Матеріалы къ исторіи Русской Книжной Торговли

въ XVIII—XIX столѣтіяхъ

Съ портретами и снимками

Составилъ

П. К. Симони.

Выпускъ первый.

Н. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины.

С.-Петербургъ.
Изданіе Редакціи журнала „Книжная Биржа“.
1907

Цѣна 75 к.

Отъ издателя.

Предлагаемое изданіе **матеріаловъ къ исторіи русской книжной торговли** составляетъ небольшую часть обширнаго труда **П. К. Симони**. подъ названіемъ: *„Книга, книжное дѣло и просвѣщеніе на Руси съ древнѣйшихъ временъ и до нынѣ, XI—XIX столѣтія.“*

По нашей просьбѣ авторъ извлекъ изъ этого труда ту часть, которая касается исторіи книжной торговли только въ XVIII и XIX столѣт. и при томъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ и монографіяхъ, руководствуясь программою нашего журнала „Книжная Биржа“.

Многолѣтній трудъ **П. К. Симони.** несомнѣнно сослужитъ большую службу **исторіи русской книги,** но онъ еще не законченъ и для изданія такого солиднаго труда потребуется не мало времени и большой затраты капитала, между тѣмъ тѣ матеріалы, которые относятся до предпринятаго нами изданія XVIII и XIX столѣтій, имѣютъ очень серьезное и даже педагогическое значеніе и именно теперь, въ ожиданіи болѣе широкаго развитія просвѣщенія, издательства и книготорговой дѣятельности.

Прослѣдить, какъ основалось и развивалось наше книготорговое и издательское дѣло и познакомиться съ трудами, неудачами и лишеніями первыхъ его представителей, хотя бы и въ отдѣльныхъ отрывочныхъ эпизодахъ, — полезно не только дѣятелямъ печати, но и всей вообще читающей публикѣ. Въ этихъ то соображеніяхъ мы и рѣшились помѣщать труды **П. К. Симони,** не только въ нашемъ журналѣ „Книжная Биржа“, но и печатать ихъ выпусками для отдѣльной продажи.

На первое время мы заготовляемъ **четыре выпуска,** перечисленныхъ на послѣдней страницѣ подъ общимъ названіемъ:

Матеріалы къ исторіи русской книжной торговли,

съ портретами и снимками. Составилъ П. К. Симони.

П. К. Симони

МАТЕРІАЛЫ
КЪ ИСТОРІИ
Русской Книжной Торговли.

Выпускъ первый.

Н. И. Новиковъ
и
книгопродавцы
КОЛЬЧУГИНЫ

XVIII—XIX стол.

Съ 4-мя портретами и 4-мя снимками.

С.-Петербургъ.
Изданіе Ред. журнала Книжная Биржа.
1906.

Извлечено изъ журнала

„Книжная Биржа".

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., Большой просп., 61).

Достопочтенному Московскому

Книгопродавцу-Книголюбцу

Любезнѣйшему и Дорогому

Аѳанасію Аѳанасіевичу

Астапову

въ знакъ глубокаго уваженія

и искренней признательности

за сочувствіе, ободреніе и помощь

ПОСВЯЩАЕТЪ

Павелъ Симони.

Санктпетербургъ

1-го іюня 1906 года.

Отъ издателя.

Предлагаемое изданіе **Матеріаловъ къ исторіи русской книжной торговли** составляетъ небольшую часть обширнаго труда ***П. К. Симони*** подъ названіемъ: *«Книга, книжное дѣло и просвѣщеніе на Руси съ древнѣйшихъ временъ и до нынѣ», XI—XIX столѣтія.*

По нашей просьбѣ авторъ извлекъ изъ этого труда ту часть, которая касается исторіи книжной торговли только въ XVIII и XIX ст. и при томъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ и монографіяхъ, руководствуясь программою нашего журнала «Книжная Биржа».

Многолѣтній трудъ ***П. К. Симони*** несомнѣнно сослужитъ большую службу **исторіи русской книги**, но онъ еще не законченъ и для изданія такого солиднаго труда потребуется не мало времени и большой затраты капитала, между тѣмъ тѣ матеріалы, которые относятся до предпринятаго нами изданія XVIII и XIX, столѣтій, имѣютъ очень серьезное и даже педагогическое значеніе и именно теперь въ ожиданіи болѣе широкаго развитія просвѣщенія, издательства и книготорговой дѣятельности.

Прослѣдить, какъ основывалось и развивалось наше торговое и издательское дѣло и познакомиться съ трудами, неудачами и лишеніями первыхъ его представителей хотя бы и въ отдѣльныхъ отрывочныхъ эпизодахъ,—полезно не только дѣятелямъ печати, но и всей вообще читающей публикѣ. Въ этихъ то соображеніяхъ мы и рѣшились помѣщать труды ***П. К. Симони*** не только въ нашемъ журналѣ «Книжная Биржа», но и печатать ихъ выпусками для отдѣльной продажи

ПОДЪ ОБЩИМЪ НАЗВАНІЕМЪ:

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ИСТОРІИ

РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

СЪ ПОРТРЕТАМИ И СНИМКАМИ.

*Составилъ **П. К. Симони.***

Изданіе Редакціи журнала „Книжная Биржа".

Выпускъ первый.

Николай Ивановичъ Новиковъ
и
книгопродавцы Кольчугины.

Съ 4-мя портретами и 4-мя снимками. Цѣна 75 коп.

Выпускъ второй.

Книжная торговля на Апраксиномъ дворѣ въ С.-Петербургѣ до пожара 1862 г.

Выпускъ третій.

Библіографическія свѣдѣнія о сочиненіяхъ и изданіяхъ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА НОВИКОВА.

Выпускъ четвертый.

Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики

СЪ 8 ПОРТРЕТАМИ

(М. О. Вольфъ, Г. В. Беренштамъ, Ѳ. И. Колесовъ, Ф. Г. Михинъ, Ф. А. Битепажъ, братья И. Г. и Н. Г. Мартыновы и др.).

От составителя.

Собравъ уже въ довольно значительномъ количествѣ разнаго рода матеріалы для задуманнаго мною труда: «*Книга, Книжное дѣло и просвѣщеніе на Руси съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ. Книжные производители* (писцы-каллиграфы и типографщики), *обрядчики* (знамёнщики и переплётчики), *распространители* (книготорговцы), *хранители и почитатели* (библіофилы и библіоманы) и *описатели книгъ* (библіографы) [1])», но все-таки нуждаясь еще въ весьма многихъ недостающихъ свѣдѣніяхъ, особенно за XIX-ый вѣкъ, обработкою котораго я нынѣ главнымъ образомъ и занятъ, и ожидая доставленія мнѣ таковыхъ дополненій или въ видѣ всякаго рода записей, воспоминаній, писемъ, записныхъ книжекъ, или вырѣзокъ изъ газетъ, указаній на печатныя статьи и т. д., охотно рѣшаясь воспользоваться любезнымъ предложеніемъ уважаемаго издателя «Книжной Биржи», открывшаго страницы своего журнала для настоящихъ моихъ статей,— имѣю честь предложить читателямъ упомянутаго изданія, въ первой обработкѣ, часть изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ для исторіи Русской книжной торговли и издательской дѣятельности, а такъ какъ *Москва* является первоначальницей въ дѣлѣ книжной производительности и ранѣе да и потомъ, временами, завладѣваетъ верховенствомъ, то, на ближайшій конецъ, я и остановился въ своемъ выборѣ на возможности на-

---

*) Томъ I: XI—XVII ст.; Т. II: XVIII ст. и Т. III: XIX ст. Подробнѣе о семъ изданіи см. въ издаваемой *Н. Г. Мартыновымъ* „Книжной Биржѣ“, 1905 г. Ноябрь, стр. 6—8.

помнить читателю о полезнѣйшей дѣятельности нѣкоторыхъ представителей Московскаго купеческаго рода *Кольчугиныхъ*, который выдвинулъ въ теченіе XVIII и XIX столѣтій—цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей, подвизавшихся на книгопродавческомъ поприщѣ и прекрасно знакомыхъ практически съ русскою библіографіею,—что слѣдуетъ особенно цѣнить, смотря по состоянію науки въ тѣ времена, такъ какъ между «жрецами» послѣдней, собирателями - библіофилами и книжными торговцами неизбѣжно должна была существовать особенная связь и взаимная зависимость: не имѣя почти никакихъ изданій полезныхъ пособій по исторіи русской словесности, библіографіи и проч., всѣ они другъ у друга поучались, изучая и разыскивая уцѣлѣвшіе обломки рукописной и печатной старины, и стремясь охватить все заслуживающее вниманія и не обронить по дорогѣ къ знанію «ни единаго укруха». Укажемъ для перваго примѣра на то уваженіе и тотъ почетъ, какими пользовался *И. Ѳ. Ѳерапонтовъ* и проч. весьма многіе...

Но прежде, чѣмъ обращусь къ главному предмету своего повѣствованія, я считаю необходимымъ остановиться на припоминаніи наиважнѣйшихъ свѣдѣній о Русской книжной торговлѣ *вообще* и проч. Эти начальныя строки и да послужатъ, такъ сказать, *вводною замѣткою* къ предмету *первой* моей статьи.

I. Вводная замѣтка.

Исторія русской книжной торговли должна быть начинаема съ исторіи *строенія и украшенія русскихъ рукописныхъ книгъ*, т. е. съ исторіи нашихъ древнѣйшихъ рукописей XI—XII столѣтій, при чемъ каждая даже отдѣльная отрасль книжной производительности можетъ и должна имѣть свою исторію. Не считая удобнымъ сообщать здѣсь хотя бы что либо по указаннымъ предметамъ, коихъ я буду по мѣрѣ возможности подробно и почти исчерпывающе касаться въ особомъ своемъ трудѣ, о коемъ упомянулъ выше,

Императрица Екатерина II.

поспѣшу познакомить читателя съ главнѣйшими «дѣяніями» типографскаго дѣла на Руси.

Въ періодъ времени между 1550—3 и 1564 г.г. при Царѣ Иванѣ Вас. Грозномъ водворилось въ царствующемъ градѣ Москвѣ *книгопечатаніе* и къ 1-му марта 1564 года появилась *первая* печатная на Руси книга «Апостолъ».

Уже въ послѣсловіи къ ней мы встрѣчаемъ упоминанія, что книги (рукописныя) въ то время и ранѣе продавались „на торжищахъ". Извѣстно, что первое время печатныя книги были очень дороги, дороже даже писанныхъ книгъ, но съ теченіемъ времени онѣ становились все доступнѣе по цѣнѣ благодаря постепенно усиливавшейся печатной и издательской дѣятельности Московскаго Печатнаго Двора, на коемъ былъ изготовленъ, какъ мы видѣли уже выше, и первенецъ нашего книгопечатнаго искусства.

Упомянутый Печатный Дворъ особенно во 2-ой половинѣ XVII-го вѣка сталъ все болѣе расширять свою дѣятельность какъ въ отношеніи печатанія, такъ и сбыта и распространенія плодовъ своей книжно-издательской дѣятельности. Какъ ранѣе, въ XVI вѣкѣ, и далѣе мы встрѣчаемъ въ видѣ записей на (рукописныхъ) книгахъ,отмѣтки, что онѣ были продаваемы «попами» и это занятіе какъ бы составляло удѣлъ ихъ дѣятельности, которой—по пословицѣ—„и книги въ руки", такъ въ XVII вѣкѣ попадаются все чаще и чаще извѣстія о существованіи въ Москвѣ уже и своего особаго «*книжнаго ряда*» и проч.

Все сказанное относится исключительно къ книгамъ, напечатаннымъ такъ называемымъ церковнославянскимъ шрифтомъ и служащимъ для цѣлей духовнаго просвѣщенія и проч. Съ 1707 года на Московскомъ же Печатномъ Дворѣ сталъ изготовляться и ново-изобрѣтенный *гражданскій* шрифтъ, вывезенный изъ Голландіи, и такимъ шрифтомъ была отпечатана въ мартѣ слѣдующаго 1708 года «*Геометріа* славенскі землемѣріе» съ отмѣткою: „іздадеся *новотіпографскимъ* тісненіемъ". «*Гражданскій* шрифтъ», или «*гражданка*»—названія придуманныя и вообще появившіяся много позднѣе. Первый печатный каталогъ книгамъ, печатавшимся этимъ *новымъ* шрифтомъ, появился (въ Вѣдомостяхъ), когда набралось достаточное число ихъ званій, подъ заглавіемъ:—«Реестръ книгамъ *гражданскимъ*, которые, по

Указу Царскаго Величества, напечатаны *новоизобрѣтенною* Амстердамскою азбукою...». Императоръ Петръ Великій, когда ему былъ представленъ изготовленный экземпляръ азбуки съ изображеніемъ древнихъ и *новыхъ* письменъ славянскихъ, печатныхъ и рукописныхъ, — сдѣлалъ собственною рукою отмѣтку: «*сими литеры* печатать *історическіе* и *манифактурные книги*»... (Указъ 29 января 1710 г.). Этотъ новый шрифтъ, предназначенный для «гражданскихъ» книгъ, испыталъ до нашего времени цѣлый рядъ послѣдовательныхъ измѣненій во внѣшнемъ своемъ видѣ и устроеніи.

Старый Печатный Дворъ съ теченіемъ времени начинаетъ носить новыя названія: «*Московской* Типографіи», «*Гражданской* Типографіи» и проч., позднѣе именуется «*Синодальною*». При Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ въ Москвѣ изданіе книгъ хотя и расширялось, но все-таки шло вяло.

II. Н. И. Новиковъ.

Значительный толчокъ въ развитіи книгопечатнаго и особенно *книгопродавческаго* дѣла въ Москвѣ оказало основаніе тамъ—по мысли нашего академика *М. В. Ломоносова*— извѣстнымъ меценатомъ и просвѣщеннѣйшимъ русскимъ дѣятелемъ Иваномъ Ивановичемъ *Шуваловымъ* въ 1755 году Университета, о коемъ онъ попечительно заботился, а потомъ и состоялъ его главнымъ «Кураторомъ».

При Университетѣ же въ 1756 году была учреждена и *Типографія* съ принадлежащею къ ней *словолитнею;* помѣщалась она въ казенномъ зданіи близъ Воскресенскихъ воротъ. При основаніи, ею завѣдывалъ извѣстный поэтъ и беллетристъ—писатель *М. М. Херасковъ* (род. 25 октября 1733 г. † 27 сентября 1802 г.).

Одновременно съ Типографіею при Университетѣ была заведена и *Книжная лавка*, помѣщавшаяся въ принадлежавшемъ Университету домѣ на Моховой улицѣ. Впрочемъ она не отличалась еще въ то время никакими достоин-

ствами, даже когда ею управлялъ извѣстный профессоръ *Шаденъ*.

Херасковъ принадлежалъ Московскому Университету съ самаго его основанія; въ іюнѣ 1778 г. онъ былъ назначенъ Кураторомъ Университета и, находясь въ Москвѣ почти безвыѣздно, одинъ изъ числа своихъ товарищей принялъ ближайшее начальство надъ Университетомъ (до своей смерти въ 1802 г., т. е. въ теченіе 24 лѣтъ). Имя Хераскова должно быть дорого всякому, кто знаетъ цѣну тому движенію, которое оживило Русское просвѣщеніе и нашу литературу во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Теперь имя Хераскова, какъ поэта и писателя, почти забыто, но здѣсь онъ заслуживаетъ нашего особаго вниманія. Хераскову обязано Русское просвѣщеніе и тѣмъ, что на пользу его сталъ дѣйствовать въ обширнѣйшихъ размѣрахъ Николай Ивановичъ *Новиковъ*,

(род. 27 апрѣля 1744 г. въ родовомъ селѣ своего отца Тихвинскомъ, Авдотьино тожъ, въ Коломенскомъ, что нынѣ Бронницкомъ, уѣздѣ Моск. губ. † умеръ 31 іюля 1818 г.).

Помѣщаемъ здѣсь снимокъ съ портрета Н. И. Новикова, по копіи, принадлежавшей *М. Н. Лонгинову*. За сообщеніе его приносимъ глубокую признательность его дочери Княгини *А. М. Козловской*. Исторія этого портрета изложена М. Н. Лонгиновымъ такъ:

„Въ 1797 году извѣстный живописецъ *Боровиковскій* написалъ превосходный портретъ Новикова, находившійся впослѣдствіи у Николая Павловича *Рунича*, [которому покойный *М. Н. Лонгиновъ* былъ столько обязанъ за сообщеніе многихъ извѣстій о Новиковѣ]. *Портретъ* Боровиковскаго *подаренъ* г. Руничу *дочерью Новикова, Вѣрой Николаевной*. Это — мастерское произведеніе по красотѣ рисунка, тонкости кисти и живописи красокъ, не утратившихъ своего достоинства черезъ 60 лѣтъ [1]). Особенно поразительна по естественности кисть правой руки, согнутой напередъ отъ туловища. Новиковъ изображенъ въ гороховомъ широкомъ сюртукѣ, черномъ бархатномъ жилетѣ, бѣломъ галстухѣ и жабо. Темные волосы, уже рѣдкіе на лбу и на вискахъ, зачесаны назадъ и открываютъ высокій прекрасный лобъ, брови дугою очень понижаются у орлинаго носа; губы и вся нижняя часть лица обличаютъ кротость и добродушіе. Портретъ этотъ, какъ говорятъ, чрезвычайно схожъ. Глядя на него, нельзя не сказать, какое умное, доброе и притомъ характеристическое лицо! Дѣйствительно на немъ нельзя было бы не остановиться между сотнями другихъ лицъ.“ Гдѣ теперь находится подлинный портретъ работы Боровиковскаго—неизвѣстно?

См. еще портретъ Новикова, повидимому копію вообще того же *типа*, но снятую съ другого экземпляра,—помѣщенную *П. А. Ефремовымъ*

[1]) Свѣдѣнія относятся къ 1858 г. (См. въ ст. М. Н. Лонгинова въ Рус. Вѣстн.)

въ гравюрѣ Брокгауза при его новомъ изданіи «Трутня», вышедшемъ въ Спб. въ 1865 году съ примѣчаніями Петра Александровича: тотъ же портретъ приложенъ къ избраннымъ экземплярамъ изданія г. Ефремова: „Матеріалы для исторіи русской литературы" (Спб. 1867 г.).

Херасковъ, при вступленіи своемъ въ должность Куратора Московскаго Университета, нашелъ типографію послѣдняго въ жалкомъ видѣ. Не смотря на то, что кромѣ нея и Сенатской, других гражданскихъ типографій тогда въ Москвѣ не было, она едва приносила тысячи двѣ рублей дохода;—матеріальная часть ея была въ упадкѣ. Херасковъ, какъ Кураторъ, предпринялъ исправить эту часть и извлечь изъ нея болѣе выгодъ. Книжная лавка шла плохо. „Московскихъ Вѣдомостей" расходилось не болѣе 600 экземпляровъ. Всѣ эти статьи, при умѣньи вести дѣло, могли приносить доходъ и быть полезными въ высшей степени дѣлу просвѣщенія.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ сошелся Херасковъ съ *Новиковымъ*, прибывшимъ на время въ Петербургъ, въ концѣ 1778 года. Хераскову извѣстны были и прежняя издательская его дѣятельность и планы по этой части, напечатанные имъ въ „Живописцѣ". Кураторъ внушилъ Новикову мысль снять Университетскую Типографію въ аренду, вмѣстѣ съ Книжною Лавкою и изданіемъ „Вѣдомостей». Новикову, чувствовавшему непреодолимое призваніе къ дѣятельности этого рода, такъ же не могло не понравиться такое предложеніе. Онъ поѣхалъ въ Москву въ слѣдъ за Херасковымъ, осмотрѣлъ типографію, взвѣсилъ всѣ вѣроятія успѣха и предложилъ ему свои условія, которыя Кураторъ нашелъ очень выгодными и сдѣлалъ о томъ представленіе Шувалову. Новиковъ вернулся въ Петербургъ и явился къ Шувалову, который утвердилъ это представленіе, вѣроятно, съ вѣдома Императрицы Екатерины II, знавшей Новикова съ хорошей стороны. Новиковъ пользовался самою лестною извѣстностію по спеціальности, которою хотѣлъ заняться. Сначала онъ пригласилъ частнымъ образомъ двухъ компаньоновъ для денежнаго участія въ новомъ своемъ предпріятіи. Но оффиціально Университетъ имѣлъ дѣло съ однимъ Новиковымъ, и онъ былъ въ сущности *единственнымъ* распорядителемъ предпріятія, которое вскорѣ и осталось на одной его отвѣтственности, безъ малѣйшаго участія другихъ лицъ.

Новиковъ, переѣхавъ въ Москву въ концѣ апрѣля 1779 года, нашелъ механическую часть Университетской

типографіи крайне плохою, шрифты не полными и однообразными, заказы—рѣдкими и доходы—ничтожными. Нужны были энергическія усилія, чтобы не отчаяться въ успѣхѣ дѣла, въ которомъ вѣроятія выгодъ относились къ вѣроятіямъ убытковъ, какъ одинъ ко сту. Новиковъ дѣятельно приступилъ къ пополненію недостающаго и къ исправленію безпорядковъ. Онъ долженъ былъ многое покупать, а иногда даже и выписывать изъ-за границы и заботиться, чтобы типографія, однако, не оставалась безъ дѣла въ ожиданіи улучшеній. Университетская типографія, сдѣлавшаяся впослѣдствіи въ рукахъ Новикова проводникомъ, столь полезнымъ для идей „Дружескаго Общества“ [1]), помѣщалась надъ Воскресенскими воротами. Но въ 1782 году это помѣщеніе понадобилось для новыхъ присутственныхъ мѣстъ, учрежденныхъ при образованіи Московской губерніи на основаніяхъ знаменитаго законоположенія о томъ 1775 года. Типографію надобно было вывести оттуда, и Новиковъ *перевелъ* ее въ недавно купленный имъ на деньги, занятыя у П. В. Лопухина, домъ близъ Никольскихъ воротъ, на Лубянской площади, въ которомъ было болѣе, чѣмъ въ прежнемъ помѣщеніи, простора для мастерскихъ и для рабочихъ. Этотъ огромный домъ выходящій двумя главными фасами на большую и малую Лубянскія площади, а боковыми на проѣзды между этими площадями, принадлежалъ затѣмъ много лѣтъ Петру Ивановичу *Шипову*, а потомъ составлялъ собственность Человѣколюбиваго Общества.

Относительно *Книжной Лавки* Новикову также пришлось хлопотать объ оживленіи ея торговли. По этой части Новиковъ распорядился *заранѣе*, войдя въ сношеніе съ коммиссіонерами [2]): *Пасъкевичемъ*—въ Полтавѣ, *Охлебининымъ*—въ Тамбовѣ, *Туманскимъ*—въ Глуховѣ, *Кожевниковымъ*—въ Псковѣ, *Петровымъ*—въ Вологдѣ, неизвѣстнымъ (?)—въ Смоленскѣ и сдѣлавши условіе съ *Миллеромъ* и другими Петербургскими книгопродавцами о томъ, чтобы отдавать имъ извѣстное число экземпляровъ своихъ изданій съ уступкою и съ разсрочкою платежей на годъ.

---

[1]) Дружеское Ученое Общество было основано въ 1782 году хотя стало слагаться еще съ 1779 года.

[2]) Очень бы важно было на мѣстѣ навести справки объ этихъ книжныхъ коммиссіонерахъ Новикова. Въ Глуховѣ—могъ быть еще который либо и изъ рода Кольчугиныхъ?

Характеръ издательской дѣятельности Новикова въ Москвѣ опредѣлялся напередъ самъ собою. Онъ не могъ, конечно, не печатать книгъ *свѣтскаго* и *беллетристическаго* содержанія, безъ которыхъ не поддержалось бы его предпріятіе; но *главная цѣль* его состояла въ заботахъ о томъ, чтобы распространять *просвѣщеніе*. По этому онъ сталъ издавать въ небываломъ до того количествѣ книги *учебныя* и *ученыя*. Изъ нихъ же большая часть согласовалась съ понятіями его о просвѣщеніи, которое онъ разумѣлъ не иначе, какъ основаннымъ на религіозно-нравственныхъ началахъ, преимущественно въ духѣ мистическомъ и съ болѣе или менѣе теософическими воззрѣніями разныхъ оттѣнковъ.

Благодаря заботамъ *Н. И. Новикова* и усердію привлеченныхъ имъ сотрудниковъ содержаніе „Московскихъ Вѣдомостей“ сдѣлалось съ того времени гораздо живѣе и разнообразнѣе. Кромѣ того Новиковъ сталъ прилагать къ нимъ разныя прибавленія, изъ которыхъ первое началось въ 1780 году и продолжалось до 1789; это былъ „*Экономическій Магазинъ*“, состоявшій подъ редакціею извѣстнаго агронома Андрея Тимоѳеевича *Болотова*, составителя записокъ: „Жизнь и приключенія Андрея Болотова“, описанныя имъ для своихъ потомковъ (1738—95 г.г.: части I—XXIX). Новиковъ издавалъ и закончилъ въ 1780 году изданіе журнала „*Утренній Свѣтъ*“, который выходилъ въ пользу Петербургскихъ училищъ, Екатерининскаго и Александровскаго, „Московское Ежемѣсячное Обозрѣніе“ и т. д. и т. д.

Кажется, въ этомъ же 1780-мъ году Новиковъ основалъ при своемъ Книжномъ магазинѣ *Библіотеку для чтенія*, первую публичную, вообще существовавшую въ Москвѣ.

Книги, издававшіяся Новиковымъ, продавались публично въ Университетской Книжной лавкѣ, въ домѣ Новикова и въ другихъ его лавкахъ, которыхъ въ Москвѣ, по достовѣрному преданію, было нѣсколько.

Около 1785 года книгопродавцы Тимоѳей *Полежаевъ*, Никита *Кольчугинъ*, Матѳей *Глазуновъ* и университетскій переплетчикъ Никита *Водопьяновъ* составили съ *Новиковымъ* условіе брать у него «*всякой вновь выходящей*, печатанной въ его Типографіи книги по 50 экземпляровъ», *старыхъ* сколько пожелаютъ, съ уступкою 20% или 30%. Но это условіе оставалось безъ дѣйствія.

Торговавшіе *иностранными* книгами въ *Москвѣ* также вошли въ сношенія съ Новиковымъ. Иностранныя книги

послѣднiй выписывалъ чрезъ *Книгопродавца Бибера;* товарищъ Бибера и управлявшiй продажею его изданiй *Утовъ* (Uthof) получалъ для продажи книги отъ Новикова.

Между прочимъ книжныя лавки Новикова находились близъ Кремля на Спасскомъ мосту (у Спасскихъ воротъ), гдѣ издавна продавались книги и лубочныя картины и гдѣ извѣстный букинистъ Игнатiй Ѳерапонтовичъ *Ѳерапонтовъ* (1740— —), предокъ книгопродавцевъ и издателей книгъ духовнаго содержанiя Ѳерапонтовыхъ первый сталъ торговать старинными рукописями и книгами [1]).

Въ книжной торговлѣ далъ Новиковъ своимъ примѣромъ сильное движенiе. Главнымъ средоточiемъ ея сдѣлались въ Москвѣ лавки Семена Никифоровича *Кольчугина*, Тимоѳея *Полежаева*, *Тараканова*, *Матушкина*, *Сверчкова*, *Романчикова*, *Телепнева*, *Акохова* и *Козырева*, которыя находились на Никольской улицѣ въ помѣщенiяхъ, устроенныхъ въ новой каменной стѣнѣ Заиконоспасскаго монастыря. Это были *явленiя* совершенно тогда *новыя* въ Россiи.

Кромѣ Москвы Новиковъ вскорѣ завелъ книжныя лавки и *въ провинцiи* особенно по городамъ и даже, какъ говорили, въ нѣкоторыхъ селахъ.

Если мы посравнимъ [за время 1779—1785 г.г.] по „Росписямъ Московской университетской Книжной Лавки" [2]) перечни посредниковъ или коммиссiонеровъ Новикова по разнымъ провинцiальнымъ городамъ, то можемъ себѣ наглядно представить, какъ распространялась книжная его торговля вглубь по Россiи и на югъ и даже на далекiй сѣверъ:

1) Въ 1779 году въ г. *Коломнѣ*—Новиковскiя изданiя можно было добывать „у Николая Степановича *Степанова*".

2)—въ г. *Тамбовѣ* у *Охлебинина*.

3)—въ г. *Полтавѣ* „у Петра Ѳедоровича *Г. Паськевича*".

4)—въ г. *Псковѣ* у *Кожевникова*.

Это все, повидимому были первые помощники, которые впослѣдствiи вскорѣ и отпали,—по крайней мѣрѣ,ипотомъ мы въ „Росписяхъ" о нихъ не находимъ упоминанiй.

---

[1]) *И. Е. Забѣлина* — «Исторiя города Москвы». Ч. I. М. 1902 г., стр. 629.

[2]) Описи эти перечислены въ трудѣ *Д. В. Ульянинскаго*: «Среди книгъ и ихъ друзей». М. 1903, стран. 112 и слѣд. № 52 и слѣд.

5) Въ г. *Глуховѣ* (Черниг. губ.)—въ 1779 г. былъ коммиссіонеромъ *Туманскій* (указанъ *М. Н. Лонгиновымъ*). Въ 1782 и 1783 г.г. въ „Росписяхъ“ отмѣтка, что изданія можно достать въ мѣстной „*Книжной Лавкѣ*“.

6) Въ г. *Кіевѣ* 1782—3 г.г.—то же „въ Книжной Лавкѣ“.

7) Въ г. *Казани* 1782—3 г.г.—то же „въ Книжной Лавкѣ“, а въ 1784 г.—безъ обозначенія гдѣ.—Вообще неизвѣстно, были ли съ Кіевомъ и Казанью прямыя сношенья у Новикова и съ кѣмъ именно?

8) Въ г. *Смоленскѣ* 1779—1783 г.г. „у *книгопродавца* Михаила *Ярославцова*“.—За 1784—5 г.г. у кого—не показано.

9) Въ г. *Вологдѣ* въ 1779 г. у „Андрея Петровича *Петрова*“.—За 1782 г. у „купца *Капустина*“;—за 1783—5 г.г. „купца *Сухирина*“.

10) Въ г. *Богородицкѣ* (нынѣ Тульск. губ.) за 1782—1785 г.г. не показано, у *кого* были продаваемы.

11) Въ г. *С.-Петербургѣ*—1782—5 г.г. „у *Г. Миллера*“, это, безъ сомнѣнія, книгопродавецъ „Карлъ-Вильгельмъ Миллеръ“, который проживалъ въ Луговой-Милліонной улицѣ и въ 1776—88 годахъ издавалъ свои „Росписи россійскимъ книгамъ, продающимся у...“. Кажется, ранѣе, былъ переплетчикомъ? Потомъ тамъ же указывается еще и новый комиссіонеръ (см. ниже).

12) Въ г. *Тулѣ*—1782—5 г.г. продажа была „у купца *Неврева*, въ Красномъ ряду“.

13) Въ г. *Твери*—1783—5 г.г. „у купца *Капустина*“.

14) Въ г. *Ярославлѣ*—1782—4 г.г. „у купца *Скобенникова*“.

15) Въ г. *Рязани*—1783—4 г.г.—„при Семинаріи“.

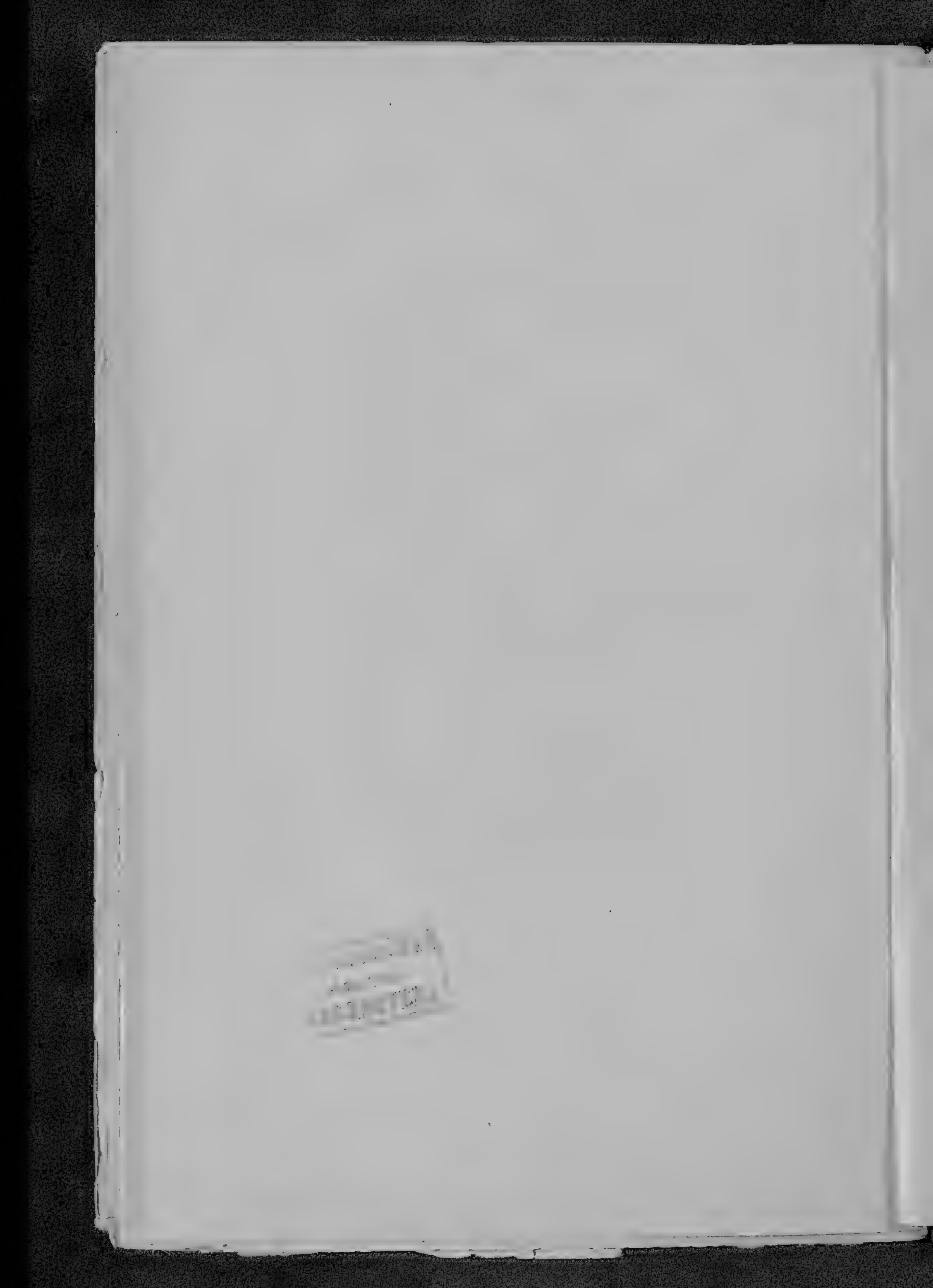
16) Въ г. *Симбирскѣ*—1783—5 г.г.—„у Его В. Б. Ивана Васильевича *Колюбакина*“;—это, видно, судя по титулу,—сотрудникъ или доброжелатель Новикова, а можетъ быть и масонъ? Тоже, можетъ быть, надо сказать и о Петровѣ (см. № 9) и друг.

17) Въ г. *С.-Петербургѣ* въ 1785 г., какъ видно, появился еще новый комиссіонеръ,—такъ какъ въ „Реестрѣ“ находимъ отмѣтку: „въ *книжной лавкѣ* противъ Гостиннаго Двора подъ № 21 у купца Федора *Артамонова*“.

Н. И. Новиковъ.

Копія съ портрета Боровиковскаго 1797 года, по фотографіи, принадлежавшей **М. Н. Лонгинову.**

18) Въ г. *Архангельскѣ* (губ.) въ 1785 г.—„въ *книжной лавкѣ*, у купца Степана *Болотина*".

19) Въ г. *Ригѣ* въ 1783—5 г.г. „у *Г. Гарткноха*"; кажется, онъ имѣлъ тамъ свою типографію и занимался издательствомъ, между прочимъ и историческихъ сочиненій о Россіи и переводовъ съ русскаго.

Такому оживленію книжной торговли въ Москвѣ и въ провинціи способствовало особенно умноженіе въ Москвѣ типографій, появившихся послѣ Высоч. Указа отъ 15 января 1783 г., коимъ отмѣнялась казенная монополія книгопечатнаго дѣла и разрѣшалось заводить „*вольныя типографіи*". Означенный же Указъ вызвалъ и учрежденіе въ 1784 г. „*Типографической Компаніи*". Типографическая Компанія просуществовала до 1791 года. Она выдѣлилась для практическихъ цѣлей изъ „Дружескаго Общества". Указъ о вольныхъ типографіяхъ далъ возможность осуществить какъ бы товарищество на вѣрѣ, въ коемъ интересы всѣхъ участниковъ и каждаго въ отдѣльности были связаны съ интересами общими посредствомъ складочнаго капитала, которымъ они распоряжались сообща, за круговою порукою и отвѣтственностью; между нѣсколькими избранными былъ заключенъ формальный контрактъ, по которому пайщики вносили разныя суммы, назначаемыя для учрежденія обширной типографіи, для покупки книгъ и рукописей, для изданія и т. под., а вмѣстѣ съ тѣмъ и установляли правила для управленія этимъ предпріятіемъ и проч. Въ Типографическую Компанію кромѣ Н. И. Новикова вошли еще до 14 членовъ изъ высшаго московскаго общества и интеллигенціи, въ большей части причастныхъ масонству. Главное управленіе дѣлами Тип. Компаніи было поручено Новикову, Гамалѣѣ, Лопухину, Кутузову, барону Шрёдеру [1]) и двумъ князьямъ Трубецкимъ.

Члены Типогр. Компаніи иногда вносили деньги, иногда передавали вещи, иногда содѣйствовали ходу дѣла личнымъ кредитомъ, поручительствомъ или принятіемъ на личную отвѣтственность займовъ и ссудъ и т. под. При взаимномъ

---

[1]) Баронъ Шрёдеръ—извѣстенъ своими неправильными доносами и инсинуаціями на Новикова и его безкорыстную дѣятельность, направленную къ пользѣ и просвѣщенію Русскаго народа.

довѣріи членовъ, многіе обороты производились по мѣрѣ надобности, если было возможно, безъ всякихъ формальностей...

Первымъ долгомъ Компаніи было заведеніе *новой* обширной *типографіи*, въ которой было 20 станковъ. Она была на основаніи Указа 15 января 1783 г. вольною, но составлявшею собственность не частнаго лица, а цѣлаго товарищества въ силу формальнаго договора пайщиковъ: это былъ примѣръ еще небывалый въ Россіи.

Книги, вышедшія изъ этой Типографіи, доказываютъ, что работы ея начались въ томъ же 1784 г. Первоначальное ея помѣщеніе находилось, кажется несомнѣнно, въ домѣ Новикова, который принялъ на себя ближайшее завѣдываніе ею.

Съ этихъ поръ (1784 г.) имя Новикова встрѣчается на заглавіяхъ множества книгъ въ *трехъ* видоизмѣненіяхъ: 1) «Въ Университетской типографіи Н. Новикова»; — 2) «въ типографіи Н. Новикова», и 3) «въ типографіи Компаніи Типографической, у Н. Новикова». 1-ая *форма* обозначаетъ — Типографію, которую арендовалъ Новиковъ съ 1779 года; — 2-ая — вольную Типографію, заведенную имъ въ 1783 году, и 3-ья—Компанейскую, учрежденную имъ и его друзьями на паяхъ въ 1784 году и то же бывшую въ его распоряженіи.

Кромѣ этихъ трехъ Типографій, существовала еще такъ называемая «*тайная*» типографія, состоявшая тоже въ его завѣдываніи. Въ началѣ 1786 г., повидимому вторая изъ этихъ типографій Новикова, вольная и такая же, числившаяся на имя Лопухина, обѣ заведенныя въ 1783 году, вошли въ составъ «Компанейской» и слились съ нею вслѣдствіе общихъ разсчетовъ между членами.

Душою всего этого, чрезвычайно обширнаго по тому времени—предпріятія, разнородныя части котораго составляли въ совокупности одно цѣлое, былъ Новиковъ. На немъ лежала не одна эта многотрудная обязанность. Онъ занятъ былъ едва ли не болѣе всѣхъ прочихъ своихъ товарищей выборомъ того, что̀ предполагалось полезнымъ печатать. Онъ почти исключительно имѣлъ дѣло съ сочинителями и переводчиками, заказывалъ переводы, просматривалъ приносимыя рукописи и т. д. Въ дѣло это вносилъ Новиковъ духъ предпріимчивости, безкорыстія и человѣколюбія, ему свойственный, который какъ бы еще сильнѣе укрѣпился въ немъ послѣ смерти Шварца, имя котораго никогда не будетъ

изглажено изъ лѣтописей Русскаго просвѣщенія; Новиковъ какъ будто старался усиленною дѣятельностію восполнить ту пустоту, которую оставилъ послѣ себя этотъ рано умершій другъ его.

Новыя книги, появившіяся въ Москвѣ съ 1779 по 1784 годъ, составляли весьма значительный процентъ въ общемъ количествѣ Русскихъ книжныхъ новостей и внесли почти совершенно *новый* элементъ въ текущую литературу, оригинальную и переводную. Это *новое* явленіе было *исключительно* результатомъ дѣятельности такъ называемаго мартинистскаго и масонскаго круга Московскаго общества, *особенно же* Н. И. Новикова. Толчекъ, данный ею, отозвался и въ Санктпетербургѣ: не трудно прослѣдить и тамъ тоже появленіе за это время книгъ, сходныхъ по своему предмету съ тѣми произведеніями, которыя распространялись Московскими Мартинистами.

Но вотъ наступило 1 мая 1789 года и срокъ десятилѣтняго контракта Новикова съ Университетомъ окончился. Содержаніе Университетской Типографіи и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей» сдано было съ этого дня по торгамъ коллежскому ассесору Свѣтушкину, отъ котораго типографія перешла въ аренду къ купцу Василію Ивановичу *Окорокову* въ декабрѣ того же года.

Въ № 34 «Московскихъ Вѣдомостей» 1789 г. апрѣля 28, суббота, стран. 354, въ отдѣлѣ «Объявленій» Новиковъ простился съ публикой, благодаря ее за десятилѣтнюю поддержку его предпріятій [1]) и объявилъ, что отнынѣ книжная его лавка у Никольскихъ воротъ не будетъ уже называться «Университетскою», которая переходитъ въ домъ Межевой

---

[1]) Вотъ подлинный текстъ обращенія Новикова.

«Почтеннѣйшая Публика чрезъ сіе извѣщается: 1) что Имп. Моск. Университета Типографія съ 1 мая сего года будетъ подъ руководствомъ такого-то и т. д. . . . .

«Бывшій доселѣ Содержатель Университетской Типографіи приноси чрезъ сіе Почтенной Публикѣ чувствительнѣйшую свою признательность за одобреніе, каковаго удостоиваемы были всѣ предпринимаемыя имъ въ теченіе десяти-лѣтняго содержанія Типографіи къ доставленію какъ Почтеннымъ *читателямъ* сихъ листовъ, такъ и *любителямъ полезнаго чтенія книгъ*, труды со усердіемъ *къ пользѣ Общества* сопряженныя, честь имѣетъ извѣстить и...» проч.

Канцеляріи на Тверскую [1]), а остается подъ фирмою Московскихъ купцовъ *Кольчугина и Переплетчикова.*

Семенъ Никифоровичъ *Кольчугинъ*, [2]) собственно говоря, былъ только прикащикомъ Новикова, отъ котораго въ 1789 г. получилъ для продажи 80.000 экземпляровъ разныхъ книгъ. Это впрочемъ не мѣшало ему имѣть *двѣ свои лавки*: одна была въ Петербургѣ; тамъ тогда былъ у него сидѣльцемъ извѣстный въ послѣдствіи библіографъ Василій Степановичъ *Сопиковъ* (род. 1765 г. † 22 іюня 1818 г.); другая же лавка Кольчугина была въ самой Москвѣ, на Никольской, гдѣ онъ и торговалъ книгами, получавшимися отъ Новикова съ уступкою.

Извѣстно, что и книгопродавецъ *Переплетчиковъ* съ 1789 года то же торговалъ въ своей лавкѣ на Никольской получаемыми отъ Новикова книгами съ уступкою 20%; въ 1790 году Новиковъ взялъ его комиссіонеромъ и посадилъ въ своей лавкѣ у Никольскихъ воротъ безъ всякаго письменнаго условія.

Съ 1789 года прекратилось изданіе «Экономическаго магазина», Болотовымъ и «Дѣтскаго чтенія» Петровымъ, выходившихъ при «Вѣдомостяхъ»; первое съ 1780, а второе съ 1785 года, въ видѣ приложеній. Изъ приложеній этихъ продолжался затѣмъ уже одинъ «Магазинъ натуральной исторіи», Прокоповича-Антонскаго, просуществовавшій при «Вѣдомостяхъ» до 1792 года.

Читатель можетъ обнять теперь всю издательскую, журнальную, типографическую и книгопродавческую дѣятельность Новикова. Она краснорѣчиво говоритъ сама за себя: движеніе, данное Новиковымъ всѣмъ этимъ отраслямъ просвѣщенія является какъ-бы чѣмъ то осязательнымъ тому, кто знакомится съ литературою его эпохи. При такихъ условіяхъ не могли не умножаться въ огромномъ числѣ и *читатели.* Наконецъ, замѣтимъ, что Новиковъ первый сталъ оказывать постоянныя и важныя услуги *Русской библіографіи* ежегоднымъ печатаніемъ *росписей книгъ*

---

[1]) Впослѣдствіи домъ Шаблыкина отъ этой лавки, гдѣ раздавались газеты, т. е. „Вѣдомости", и переулокъ, на который она выходила, получилъ названіе „Газетнаго".

[2]) С. Н. Кольчугинъ, повидимому, былъ родной братъ упоминаемаго ниже Никиты Никифорова Кольчугина.

продававшихся въ Университетской Книжной Лавкѣ [1]. Хотя еще въ 1761 г. (?) вышелъ «Реестръ Россійскимъ книгамъ, которыя продаются въ Университетской Книжной лавкѣ» (Москва, въ мал. 8-ую долю листа, всего на 4-хъ страницахъ), и далѣе ежегодно разъ или два (по полугодіямъ) выходили такія Росписи, но онѣ вовсе не идутъ въ сравненіе съ Росписями или Реэстрами, издававшимися самимъ Новиковымъ особенно, когда, благодаря его неусыпнымъ трудамъ, умножились изданія и, главное, читатели послѣднихъ, воспитанные на его книгахъ. Стоитъ взглянуть на его Реэстръ Россійскимъ книгамъ, продающимся въ домѣ Новикова, въ 5-й части у Никольскихъ воротъ, въ книжной лавкѣ (8⁰ безъ з. л. 47 стр.). Новиковъ могъ не безъ гордости смотрѣть на то, что имъ было совершено, а потомство не можетъ не сохранить о немъ признательной памяти.

Всѣхъ выше приведенныхъ указаній было бы почти достаточно для выясненія настоящаго значенія просвѣтительной, книжной и издательской дѣятельности Н. И. Новикова и притомъ въ самомъ благородномъ смыслѣ, но, въ виду того, что мы желаемъ далѣе разобраться въ разнаго рода извѣстіяхъ о книгопродавческой дѣятельности нѣкоторыхъ представителей Московскаго купеческаго рода *Кольчугиныхъ*, то намъ неминуемо будетъ нужно послѣ—остановиться здѣсь еще на одномъ роковомъ случаѣ изъ жизни и общественной дѣятельности Новикова, подкосившемъ этого благороднаго человѣка и человѣколюбца и вырвавшемъ его навсегда изъ среды присущей ему дѣятельности на пользу русскаго общества и народа...

Н. И. Новиковъ, такъ или иначе, примыкалъ къ дѣйствіямъ и ученію московскихъ масоновъ и мартинистовъ и помогалъ ихъ цѣлямъ и своею издательскою дѣятельностію.

---

[1]) Большую пользу исторіи русской литературы, библіографіи и критическому изученію словесныхъ произведеній *Н. И. Новиковъ* принесъ такъ же еще и ранѣе изданіями своими :1) «*Опытъ Историч. Словаря о Россійскихъ писателяхъ.* Изъ разныхъ *печатныхъ* и *рукописныхъ книгъ*, сообщенныхъ *извѣстій* и *словесныхъ преданій*», собралъ Николай *Новиковъ*, Спб. 1772. 8⁰. Стран. 14 нен.+264,—и 2) „Ученыя Санктпетербургскія Вѣдомости на 1777 годъ“. Тотъ и другой труды были переизданы: 1-ый—извѣстнымъ издателемъ нашихъ классиковъ и глубокимъ знатокомъ нашей библіографіи *П. А. Ефремовымъ*, въ 1867 г., а 2-ой—А. Н. Неустроевымъ въ 1873 году.

Въ началѣ 1792 года И. Екатеринѣ II сдѣлались извѣстны отношенія мартинистовъ къ нелюбимому ею, и потому загадочному для нея, Наслѣднику Всероссійскаго Престола Цесаревичу Павлу Петровичу. Бумага относительно этого предмета, переданная В. И. Баженовымъ [1]), еще въ 1787 году какимъ-то образомъ попала въ руки Императрицы и, конечно, вызвала съ ея стороны рѣшеніе принять строгія мѣры. Дѣло стало лишь за *предлогомъ* къ давленію на личность и общественно-просвѣтительную дѣятельность Новикова, — искать подобнаго предлога рѣшила съ своими наперсниками Екатерина въ издательской и типографической дѣятельности Николая Ивановича, чтобы соблюсти, такъ сказать, внѣшнее приличіе.

Въ ноябрѣ 1791 года закончилась дѣятельность „Типографической компаніи". Главными учредителями ея былъ составленъ при этомъ актъ, въ силу котораго Новиковъ оставлялъ за собою: домъ у Никольскихъ воротъ, числившійся на его имя, но прежде по разсчетамъ перешедшій въ Компанію, всѣ книги напечатанныя въ типографіяхъ Университетской, Лопухинской и Компанейской, типографію со всѣми принадлежностями и проч. Къ нему переходили уже лично всѣ дѣла. Между членами Компаніи и ихъ друзьями были произведены нѣкоторыя матеріальныя сдѣлки и тогда же Новиковъ продалъ свой книжный магазинъ Походяшину [2]).

Въ томъ же 1791 году Новиковъ лишился жены; всякаго рода заботы и невзгоды совершенно разстроили его здоровье. Онъ рѣшился было исключительно заняться воспитаніемъ

---

[1]) О знаменитомъ русскомъ Архитекторѣ Василіи Ивановичѣ *Баженовѣ* (р. 1 марта 1737 г. † 2 августа 1799 г.) — см. недавнюю работу по архивнымъ даннымъ и по сохранившейся донынѣ наличности неутомимаго изслѣдователя-библіографа Вл. Ник. *Рогожина* въ «Русск. Архивѣ» за 1899 г., I, стр. 529 — 44: «Новыя свѣдѣнія объ Архитекторѣ В. И. Баженовѣ» (о его Проектѣ Художественно-архитектурной Школы и Галлереи въ Москвѣ). Извѣстно, что Баженову Москва обязана цѣлымъ рядомъ зданій, отличающихся самобытностью замысла и смѣлостью исполненія: имъ построены бывшій домъ Пашкова на Моховой, нынѣ Румянцовскій Музей и Царицынскій дворецъ. Онъ былъ сынъ причетника одного изъ Кремлевскихъ соборовъ; любовь къ Московскому Кремлю осталась у Баженова навсегда.

[2]) Дѣятельность Новикова и его друзей въ Москвѣ продолжалась слишкомъ 12 лѣтъ 1779—1791 гг. и каковы достигнутые ею результаты!

сына и двухъ дочерей и заставить свѣтъ забыть о себѣ, но не тутъ-то было, ему угрожалъ еще ударъ, направленный безжалостной, но властною рукою, уничтожившей по пустой придиркѣ плоды многолѣтней благородной дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія кружка наилучшей части московскаго интеллигентнаго общества, среди коего центральное мѣсто принадлежало Н. И. Новикову.

Какъ тонко была поведена недостойная интрига противъ Новикова, лучше всего можно видѣть изъ Указа Екатерины, полученнаго въ Москвѣ княземъ Прозоровскимъ 18 апрѣля 1792 г.

Въ немъ указано, что „недавно появилась въ продажѣ книга [1]) *церковными литерами* напечатанная" и заключающая въ себѣ „разныя раскольническія сочиненія", противныя духу православія и „государственному правленію" поносительныя;—что „книга пущена въ продажу съ выдраннымъ заглавнымъ листомъ и есть *вѣроятность*, что *подобныя* книги издаются въ Москвѣ, въ партикулярныхъ типографіяхъ, *наипаче же* имѣемъ причину подозрѣвать въ семъ дѣлѣ извѣстнаго Вамъ Николая Новикова, который, какъ слышно, сверхъ типографіи, имѣющейся у него въ Москвѣ, завелъ таковую и въ подмосковной его деревнѣ". Далѣе повелѣвалось избрать... „людей *вѣрныхъ*, надежныхъ и исправныхъ, послать ихъ *нечаянно* къ помянутому Новикову, какъ въ Московскій его домъ, такъ и въ деревню, и *прилежно* обыскать, не найдется ли у него таковая *книга*, либо другія ей подобныя, или *по* крайней мѣрѣ *литеры церковныя*". Если при этомъ будутъ найдены упомянутая книга или шрифтъ церковный, то это послужитъ достаточнымъ доказательствомъ тому, что Новиковъ ея издатель и тогда онъ долженъ лишиться права содержать типографію и подвергнуться взысканію за нарушеніе законовъ. Для открытія же истины Новикова слѣдуетъ „взять подъ присмотръ и допросить", а *также* изслѣдовать, какимъ образомъ, не бывши владѣльцемъ наслѣдственнаго значительнаго имѣнія, онъ считается теперь человѣкомъ весьма достаточнымъ и можетъ ли онъ доказать при этомъ свое „*безко-*

---

[1]) Это была книга: „Исторія о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ" (1788 г.) съ нѣкоторыми другими статьями, напечатанная въ Гродненской типографіи (?).

рыстное поведеніе". Наконецъ Прозоровскому предписывалось донести обо всемъ, что откроется, „обстоятельно и немедленно".

По распоряженію кн. Прозоровскаго 22-го апрѣля назначенные имъ люди, Олсуфьевъ и другіе были уже въ Авдотьинѣ и произвели обыскъ. Всѣ бумаги и книги Новикова были конфискованы, но въ деревенскомъ домѣ его *не нашлось никакихъ признаковъ типографскаго производства, ни церковныхъ литеръ*. Это происшествіе произвело чрезвычайно сильное потрясеніе на Новикова, такъ что Олсуфьевъ принужденъ былъ, въ виду опаснаго положенія, оставить Новикова на дому подъ присмотромъ городничаго и медика. Забранныя книги были доставлены Главнокомандующему.

Въ тотъ же день и были произведены обыски въ Москвѣ въ Гендриковомъ домѣ, въ книжной лавкѣ Новикова и въ магазинѣ „Типографіи", а также во всѣхъ вольныхъ книжныхъ лавкахъ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ найдены были не показанныя въ печатныхъ каталогахъ, 20 книгъ, скрытно продававшихся, хотя и запрещенныхъ еще въ 1786 и 1787 годахъ, и 48 книгъ, печатанныхъ безъ „указнаго дозволенія". Поэтому хозяева книжныхъ лавокъ были взяты подъ стражу, а самыя *лавки всѣ запечатаны*. Прозоровскій сейчасъ же сталъ допрашивать книгопродавцевъ. Всѣ они, кромѣ одного сначала хотѣли скрыть, что получили эти книги отъ Новикова, но потомъ сознались и сказали, что развозили ихъ по ярмаркамъ. Исключеніе составилъ Московскій купецъ 2-й гильдіи Никита Никифоровичъ *Кольчугинъ*, имѣвшій *три* своихъ *книжныхъ лавки* и вмѣстѣ съ тѣмъ *бывшій съ 1790 года прикащикомъ въ лавкѣ Новикова у Никольскихъ воротъ*. Онъ прямо показалъ истину и сознался, что запрещенныхъ книгъ хранится, на сумму до 5000 рублей, въ кладовыхъ Гостинаго Двора и на Суконной фабрикѣ, заведенной на старомъ Кадашевскомъ монетномъ дворѣ, за Москвой-рѣкой. Прозоровскій велѣлъ разбирать всѣ книги въ лавкахъ и особо откладывать запрещенныя, но суду торговцевъ онъ не предалъ, ожидая повелѣнія Императрицы. Онъ *арестовалъ только* Новиковскаго прикащика *Кольчугина* и *сидѣльцевъ* Книжной *Лавки Новикова*, къ опечатанному дому котораго былъ тогда же приставленъ, въ ожиданіи его привоза въ Москву, караулъ при офицерѣ.

Прозоровскимъ на смѣну городничему, подъ надзоромъ котораго пребывалъ въ Авдотьинѣ Новиковъ, былъ снаряженъ отрядъ гусаровъ подъ начальствомъ кн. Жевахова. Послѣдній вошелъ въ домъ Новикова и нашелъ его въ болѣзненномъ состояніи, вслѣдствіе частыхъ обмороковъ. Од-

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

нако, часа черезъ два посадили Новикова въ кибитку и повезли подъ конвоемъ въ Москву. Крестьяне горько плакали о несчастіи, постигшемъ любимаго ими помѣщика и, когда вѣсть о томъ разнеслась по окрестности, сосѣди поражены были уныніемъ и ужасомъ; они любили и уважали Новикова, который оказывалъ имъ разныя услуги. Экспедиція Жевахова имѣла страшныя послѣдствія для дѣтей Новикова. Отъ страха сынъ его пораженъ былъ эпилепсіей, отъ которой страдалъ всю жизнь и старшая дочь впала въ неизлѣчимую болѣзнь. Дѣти остались на произволъ судьбы; въ Авдотьинѣ поселился офицеръ съ гусарами для караула, чтобы оттуда ничего не было вывезено....

Жеваховъ привезъ Новикова прямо къ князю Прозоровскому, который тутъ же снялъ съ него допросъ.

Въ отвѣтахъ своихъ Новиковъ показалъ: 1) Источники основного капитала „Типографич. Компаніи“ состояли изъ денежныхъ вкладовъ на сумму 57,500 руб. и книгъ на 88,000 руб. 2) Члены Компаніи черезъ обороты ея получали средства строить зданія и учреждать разныя заведенія. 3) Имущество „Компаніи“, состоявшее въ книгахъ, въ Гендриковскомъ домѣ, въ типографіи и въ аптекѣ, общею цѣною до 150,000 руб. и въ прежнемъ Новиковскомъ домѣ, стоившемъ 30,000 руб. 4) Запрещенныя книги были выдаваемы *Кольчугину* для продажи, въ чемъ Новиковъ сознаетъ свою вину. 5) Духовныя книги печатались болѣе потому, что на нихъ увеличивалось требованіе и цензуровались онѣ съ отмѣткой о дозволеніи печатать ихъ духовными лицами, а затѣмъ, послѣ отказовъ сихъ послѣднихъ отъ цензуры, полицейскими или университетскими чиновниками.

Прозоровскій рапортовалъ Императрицѣ о ходѣ дѣла, сообщилъ ей свое мнѣніе о Новиковѣ, какъ, человѣкѣ „коварномъ и лукавомъ“, доносилъ, что онъ—„натуры острой, догадливой“, имѣетъ, „характеръ смѣлой и дерзкой; робѣетъ, но не замѣшивается“..., почему онъ и проситъ Императрицу прислать Шешковскаго для производства дознанія, такъ какъ онъ одинъ—Новикова „*открыть* не можетъ“ ни по типографскимъ, ни по масонскимъ дѣламъ!

Прозоровскій содержалъ Новикова подъ арестомъ въ его домѣ, потому что онъ былъ нездоровъ, а въ Указѣ было сказано: взять его подъ присмотръ, „если окажутся литеры“, но этихъ литеръ не нашлось.

Въ тотъ же день 26-го апрѣля, Прозоровскій допраши-

валъ *Кольчугина*, имѣвшаго, между прочимъ, въ ближайшемъ завѣдываніи типографію Компаніи совмѣстно съ батырщикомъ Степаномъ Ильинскимъ. Прозоровскій обѣщалъ имъ милость Императрицы, если они скажутъ правду.

Н. Н. Кольчугинъ далъ слѣдующее—въ общемъ, всетаки, пристрастное или вымученное—показаніе:

„Московскій купецъ 2-ой гильдіи *Никита Никифоровъ* сынъ *Кольчугинъ*, прикащикъ Новикова, торгующій въ Книжной Лавкѣ въ домѣ Новикова, состоящемъ за Никольскими воротами, допросомъ показалъ: что онъ находится въ числѣ *старообрядцевъ;* а нынѣ подалъ здѣшнему Митрополиту просьбу, чтобъ его присоединить къ Православной Церкви Россійской. Прежде онъ *имѣлъ торгъ* въ *Москательномъ* ряду, а потомъ тотъ торгъ, яко мало прибыточный, перемѣня, *производилъ уже торгъ книгами*, получая оныя изъ *Санктпетербургской Академіи Наукъ* и изъ *Типографіи Новикова* за деньги и на кредитъ. Для чего и имѣлъ здѣсь *три Лавки* на Никольской улицѣ: въ одной самъ сидѣлъ и торгъ производилъ до 790 года, въ другихъ двухъ Лавкахъ сидѣльцы[1]). А какъ *посредствомъ сего торга* познакомился *съ Новиковымъ* и, получа отъ него разныя выгоды, перешелъ къ нему въ домъ въ прикащики, а въ своей лавкѣ оставилъ сидѣльцовъ. Принявши прикащичью должность и взявъ въ свое вѣдомство *Книжныя Лавки* и *Книжной Магазинъ*, принималъ отъ Новикова книги въ продажу изъ его, Типографіи, что въ домѣ, бывшемъ Графа Гендрикова, въ числѣ которыхъ и запрещенныя книги отданы были ему въ продажу. Отдаваныжь оныя ему были отъ прикащиковъ, тамо находящихся, по повелѣнію Новикова, въ чемъ онъ и росписку представилъ, данную ему отъ прикащика его Алимпія Иванова сына Панина, которыя онъ и продавалъ, а въ публичный каталогъ ихъ не вносилъ, для того, что онѣ были запрещенныя; а между прочимъ и во всѣ лавки сіи книги отпускалъ онъ торгующимъ за деньги и на кредитъ А сколько числомъ оныхъ, не упомнить, а по собраніи тѣхъ книгъ можетъ онъ узнать и о ихъ

---

[1]) Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1789 г. (марта 3 суббот. № 18, стран. 181) имѣется объявленіе съ упоминаніемъ, гдѣ находилась книжная торговля Никиты Никифоровича: — «Въ *Санктпетербургской* Книжной лавкѣ, что на Никольской улицѣ *противъ дому Графа Шереметева*, у купца *Никиты Калчугина* вступили въ продажу напечатанныя книги...».

количествѣ. И признавая вину свою передъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ томъ проступкѣ, откровенно объявилъ, что всѣ книги запрещенныя хранились кромѣ магазина на Соляномъ дворѣ и въ Кадашевскомъ домѣ, гдѣ суконная фабрика, а всѣхъ запрещенныхъ книгъ въ пріемѣ у него было 3598; изъ лавкижь и изъ магазина продано оныхъ, какъ примѣрно онъ считаетъ, третья часть; а всякаго званія книгъ распродавано было въ годъ, какъ онъ, считаетъ, тысячъ на 25 и болѣе; ежели на 25,000 продано, то, считаетъ онъ, было барыша 15,000. А къ возвышенію продажи и барышъ соразмѣрно пріумножался. Въ разсужденіи долгу на бывшей Компаніи, котораго простирается за 300,000 р., не считаетъ онъ, чтобы книгопродажею было великое имъ подкрѣпленіе, какъ натурально, что они и за долги платятъ проценты. И сія Компанія была уже въ самомъ такъ сказать, разстроенномъ положеніи, по нынѣ заводчикъ Походяшинъ, распродавъ свой заводъ, положилъ, какъ онъ слышалъ, до 300,000 своихъ денегъ. Изъ прежней же Компаніи кто сколько клалъ въ капиталъ, онымъ даны векселя къ возврату имъ положенной суммы, и такъ оные нынѣ въ заведеніи семъ неучаствуютъ, а принадлежитъ все оное, какъ и оба дома, бывшій гр. Гендрикова и другой что на Никольской, Новикову и Походяшину. А каковъ уже между ними былъ разсчетъ въ книгахъ, того онъ подробно не знаетъ, Походяшинъ же побужденъ употреблять на все сіе свое имѣніе, яко онъ находится въ числѣ ихъ братства, и теперь живетъ въ Москвѣ. Его члены сей шайки не выпускаютъ почти изъ виду и обираютъ, сколько возможность позволяетъ. Хотя утвердительно онъ сказать не можетъ, но однакожь не считаетъ, чтобъ запрещенныя книги были печатаны вновь послѣ запретительнаго Ея И. Величества Указа; но они при осмотрѣ были скрыты, такъ какъ и нынѣ Новиковъ велѣлъ ему содержать ихъ въ разныхъ мѣстахъ для того единственно, что естли впредь будетъ осмотръ, то чтобы они опять могли быть сохранены: то онъ ихъ и положилъ, какъ выше значитъ, на Соляномъ дворѣ и въ Кадашевскомъ дворѣ...“

Прозоровскій доносилъ Императрицѣ, что не рѣшился отдать Новикова подъ судъ и получилъ за это похвалу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ предписаніе выслать Нови-

кова въ Шлиссельбургскую крѣпость съ такими предосторожностями, чтобы все было скрыто отъ его сотоварищей. Въ концѣ мая 1792 г. Новиковъ уже былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ протомился цѣлыхъ 15 лѣтъ въ казематѣ. При этомъ онъ не былъ вовсе присужденъ, а по разнымъ отчасти далеко недоказаннымъ проступкамъ, вслѣдствіе *предполагаемыхъ* намѣреній и т. д. былъ отстраненъ отъ законной подсудности, которой спачала хотѣли его подвергнуть.

Что же касается Московскихъ *книгопродавцевъ*, преданныхъ суду, то дѣло ихъ тянулось почему-то болѣе трехъ лѣтъ, послѣ поступленія его на разсмотрѣніе Императрицы въ августѣ 1793 г. Неизвѣстно, къ чему они были приговорены, но во всякомъ случаѣ приговоръ исполненъ надъ ними не былъ. Наконецъ Указомъ М. М. Измаилову Императрицы отъ 2 іюля 1796 года было повелѣно:—„Разсмотрѣвъ дѣло о продажѣ запрещенныхъ книгъ, производившееся въ Московскихъ присутственныхъ мѣстахъ, и учиненныя во оныхъ рѣшенія, коими по мѣрѣ преступленій, сообразно съ законами, приговорены къ разнымъ наказаніямъ купцы: Никита *Кольчугинъ*, Иванъ *Переплетчиковъ*, Матвѣй *Глазуновъ*, Тимоѳей *Полежаевъ*, Иванъ *Козыревъ*, Иванъ *Луковниковъ*, Павелъ *Вавиловъ*, университетскій переплетчикъ *Водопьяновъ*, купцы же Петръ *Заикинъ*, Василій *Глазуновъ* и Семенъ *Ивановъ*, повелѣваемъ: призвавъ сихъ осужденныхъ въ Московскую Уголовную Палату и прочтя имъ тамъ сдѣланные объ нихъ приговоры, объявить потомъ, что Мы, для рожденія Любезнаго Внука Нашего, *В. Кн. Николая Павловича*, ихъ прощаемъ“...

Какова была участь другихъ книгопродавцевъ, не указанныхъ въ семъ Высочайшемъ Указѣ, но попавшихъ въ свое время подъ слѣдствіе—неизвѣстно. Есть извѣстіе, что ранѣе были такъ же привлечены къ дѣлу Новикова Московскіе торговцы книгами на *иностранныхъ* языкахъ: *Утговъ*, *Биберъ*, переплетчикъ *Зандмаркъ* (?), такъ какъ они производили „продажу книгъ отъ Новикова съ компаніею“.

—⯎⯎⯎⯎—

III.

Свѣдѣнія о книгопродавческой дѣятельности нѣкоторыхъ представителей Московскаго купеческаго рода **Кольчугиныхъ** въ XVIII—XIX столѣтіяхъ.

I. Никита Никифоровичъ Кольчугинъ

(1753 — 1827).

Выше уже шла рѣчь о Новиковскомъ прикащикѣ Московскомъ 2-ой гильдіи купцѣ Никитѣ Никифоровичѣ *Кольчугинѣ*.

П. Б.(артеневъ) въ вводной замѣткѣ своей въ „Русскомъ Архивѣ“ (1879 г., № 9, стран. 45) изъ *неуказываемаго имъ источника* привелъ извѣстіе о Кольчугиныхъ, но Никиту Никифоровича именуетъ — „Григорьевымъ“; тогда какъ *М. Н. Лонгиновъ* вездѣ называетъ его „Никифоровичемъ“. Что вѣрнѣе, рѣшить, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, трудно, но слѣдуетъ предположить, что тутъ произошла ошибка—въ зависимости отъ имени (по аналогіи) сына его „Григорія“.

Черниговскій крестьянинъ *Никита Никифоровичъ Кольчугинъ* (р. 1753 г., † 1827 г.) съ раннихъ лѣтъ занимался въ Москвѣ торговыми дѣлами, и между прочимъ велъ *книжную торговлю* и въ дѣлѣ Н. И. Новикова потерпѣлъ. Выше мы уже упоминали и о Н. Н. Кольчугинѣ и привели его показаніе объ отношеніяхъ его къ *Новикову* и вообще о своемъ состояніи и занятіяхъ по купечеству. Умный, дѣловитый простолюдинъ съумѣлъ, тѣмъ не менѣе, дать отличное по тому времени образованіе *своему сыну* Григорію.

II. Григорій Никитичъ Кольчугинъ

(1779 — 1835).

Григорій Никитичъ воспитывался вмѣстѣ съ дѣтьми сенатора *Обрѣзкова* или Обрескова, о коемъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Алекс. Мих. *Обресковъ* обучался въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ въ 1733—40 г., потомъ состоялъ въ свитѣ нашего посольства въ Константинополѣ, гдѣ съ 1753 г. былъ Президентомъ. Въ 1768 г. при началѣ войны съ Турціей Обресковъ содержался въ Семибашенномъ замкѣ; въ 1772 г. онъ получилъ свободу; послѣ участвовалъ на Фокшанскомъ и Бухарестскомъ конгрессахъ. Умеръ въ 1787 году.

Григорій Никитичъ Кольчугинъ получилъ весьма приличное по тому времени и для своего общественнаго положенія воспитаніе; онъ свободно понималъ французскій и нѣмецкій языки и говорилъ на нихъ. Впослѣдствіи онъ могъ, помогая отцу въ дѣлахъ, въ то же время свободный досугъ свой посвящать на *переводы* книгъ преимущественно *мистическаго* содержанія [1]). Изъ многихъ исполненныхъ имъ переводовъ была напечатана въ 1799 году, повидимому, лишь одна поэма Геснера: „Авелева смерть“ и посвящена имъ, какъ переводчикомъ и издателемъ, И. В. Лопухину.

Нужно объяснять или большимъ спросомъ на переводы означенной поэмы или особеннымъ желаніемъ переводчика печататься, впрочемъ, можетъ быть, послѣ настояній и одобренія друзей и проч., такъ какъ уже до 1799 г. *было два изданія* означеннаго произведенія: 1) „Авелева смерть“, поэма въ 5 пѣсняхъ. Соч. Г. Геснера. *Въ Москвѣ*. Въ Университетск. типографіи у Н. Новикова, 1780 г. 186 стран. м. 8⁰ и 2)—Перевелъ съ нѣмецкаго Иванъ Захаровъ. *Въ Санктпетербургѣ*, иждивеніемъ типографщика и книгопродавца I. К. Шнора. 1781 г. м. 8^0. Посвящ. И. П. Елагину, стран. 2 нен + 6 н. + 2 н. + 182.

---

[1]) Ссылаемся на свидѣтельство издателя „Русскаго Архива,“ *П. И. Бартенева.*

Кромѣ этихъ двухъ у *В. Сопикова въ его „Опытѣ“ Россійской Библіографіи* или *Полномъ Словарѣ сочиненій и переводовъ*, напечатанныхъ на Славянскомъ и Россійскомъ языкахъ, отъ начала заведенія типографій, 1813 года, *Собранномъ* изъ *достовѣрныхъ источниковъ*»... въ новой редакціи съ примѣчаніями *Вл. Н. Рогожина*, (изд. *А. С. Суворина*) ч. IV. Спб. 1905, стран. 118 — указаны еще два: № 8627, 2-ое испр. изд. перевода Захарова. Спб. 1781 г. 8⁰ и № 8628— другой переводъ В. Протопопова, съ картинками. М. 1799 г. въ 12⁰. Въ своемъ примѣчаніи къ этому номеру г. *Рогожинъ* утверждаетъ, что этотъ послѣдній переводъ въ изданіи М. 1799 г. принадлежитъ перу Льва Цвѣтаева и что *Г. Кольчугинъ* только *подалъ* переводъ этого послѣдняго въ *цензуру*; о картинкахъ же онъ не говоритъ ничего.

Какъ бы то ни было передъ нами экземпляръ изданія 1799 г. (изъ И. П. Б-ки: 18. 133. 6. 5) того же произведенія съ отмѣткою: „*Новое исправленное* Изданіе“ и „Ижд. К...“ въ 8⁰ м. Стран.: загл. листъ (на оборотѣ его значится: „Съ одобренія Московской Цензуры“), посвященіе *И. В. Лопухину*, подписанное: «Усерднѣйшее *приношеніе* Отъ Григорья Колчугина» (значитъ, онъ могъ быть *авторомъ* перевода)—Стран. 1—337+1 непомѣч. съ *росписью* книгъ, продающихся въ книжныхъ лавкахъ у купца Колчугина.

Предлагаемъ читателю взглянуть на снимки съ заглавнаго листа, слѣдующаго листа съ *посвященіемъ*, и именемъ Г. Н. Кольчугина и съ послѣдняго листа книги, на коемъ припечатана роспись книгъ, продававшихся въ его книжной лавкѣ (должно быть, все той же, что была на Никольской улицѣ *противъ* дома графа Шереметева, въ которой производилъ торговлю его отецъ (и, пожалуй, дядя С. Н. Кольчугинъ?).

Въ нашествіе французовъ на Москву въ 1812 году *Григорію Никитичу* пришлось не мало вытерпѣть горя: онъ и семья его не успѣла во́ время бѣжать изъ Москвы, да, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, и не имѣлъ онъ возможности двинуться съ мѣста куда бы то ни было.

Обратимся къ обозрѣнію случаевъ изъ жизни Гр. Н. Кольчугина, о коихъ онъ оставилъ свидѣтельство, именно за время событій приснопамятнаго 1812 г.

Вотъ какъ описываетъ онъ самъ въ *письмѣ* или *запискѣ* къ друзьямъ своимъ, что ему пришлось вытерпѣть во второй половинѣ 1812 и 1813 года и попадать изъ одного

отчаяннаго положенія въ другое. Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь собственныя показанія *Г. Н. Кольчугина*, изъ коихъ читатель ближе можетъ ознакомиться и съ эпохой, въ которой ему пришлось дѣйствовать и съ его семейнымъ положеніемъ, характеромъ и проч. Да не посѣтуетъ читатель за нѣсколько обширныя выписки, онѣ были неизбѣжны, а съ другой стороны въ виду близости 100-лѣтняго юбилея Отечественной Войны 1812 года — онѣ могутъ представить особый интересъ читателямъ настоящаго сообщенія.

«Письмо Г. Н. Кольчугина»:

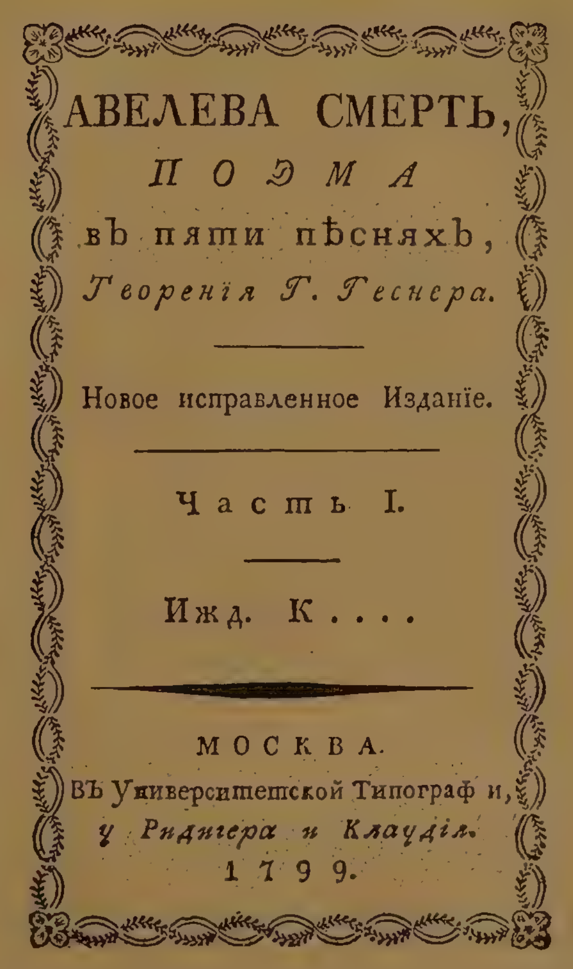
«Вы требуете увѣдомленія моего, *какія причины* могли *удержать меня въ Москвѣ предъ нашествіемъ непріятеля* и не выѣхать, когда тѣмъ многіе воспользовались и по возможности вывезли имѣнія свои; а *я, потерявъ все*, навлекъ на себя въ послѣдствіи столь важныя для честнаго человѣка, каковымъ почитаете меня, непріятности [1]).

Благодарю Васъ, Милостивый Государь, препокорнѣйше за доброе Ваше обо мнѣ мнѣніе, что Вы, не основавшись на молвѣ народной, вѣтромъ наносимой и развѣваемой, желаете знать истину происшествій отъ самого меня и рѣшиться во мнѣніи своемъ.

Соотвѣтствуя откровенности и довѣренности Вашей, честь имѣю Вамъ донести, что *правила родителя моего, воспитаніе, выше состоянія его имъ мнѣ данное*, какъ и *заслуженная* нами въ *обществѣ* и у *начальства довѣренность* и полученные *знаки отличія* Вамъ извѣстны. Изъ сего самаго, какъ я полагаю, имѣли мы и *завистниковъ*, которые, превратясь *во враговъ*, воспользовались несчастнымъ положеніемъ, *обнесли* меня у Начальника (у Графа Ѳ. В. Ростопчина), коего сердце отверсто къ подо-

---

[1]) См. въ «Русскомъ Архивѣ», 1879 г., № 9, стран. 45 — 62: «*Записку Г. Н. Кольчугина*» (о событіяхъ 1812 г. и о своихъ злоключеніяхъ), сообщенную Издателю Р. Архива, внукомъ перваго— Московскимъ же Книгопродавцемъ *И. И. Кольчугинымъ*. Записка эта вышла и отдѣльною брошюркою подъ заглавіемъ: «*Записка Гр. Н. Кольчугина о 1812 годѣ*» (М. 1879. Типогр. Лебедева. 12°). —Ср. въ статьѣ *А. Н. Попова:* «Французы въ Москвѣ въ 1812 году». Гл. VI (Русск. Архивъ, 1876 г., № 6, стран. 169—171 и 175).

АВЕЛЕВА СМЕРТЬ,

ПОЭМА

въ пяти пѣсняхъ,

Творенія Г. Геснера.

Новое исправленное Изданіе.

Часть I.

Ижд. К....

МОСКВА.

ВЪ Университетской Типографіи,

у Ридигера и Клаудія.

1799.

1. Снимокъ съ заглавнаго листа изданія Гр. Ник. Кольчугина.

зрѣніямъ: съ трудомъ вѣритъ онъ доброму, а съ жадностью хватается даже за *видъ* преступленія.

Подлые враги мои, тѣмъ ободренные, дерзнули обвинять меня *даже въ хищеніи*, но *какъ сего не было, клевета обнаружилась*, и благодареніе Богу, Государю и законамъ, я *совершенно оправданъ*, невинность моя открыта, хотя оная и не всѣмъ извѣстна. Прочее предоставимъ времени:

Причины, воспрепятствовавшія выѣзду нашему изъ Москвы, суть слѣдующія. *Первая*, увѣренія начальства чрезъ издаваемыя *печатныя афиши*, что *непріятелю* въ Москвѣ *не бывать* [1]), силы его отъ разныхъ пораженій *ослабѣли*, *наши превосходятъ*, подтверждая сіе увѣреніе и самыми сѣдинами покойнаго *князя М. Л. Кутузова-Смоленскаго*. *Вторая*, пачпорты на выѣздъ изъ Москвы, кромѣ женамъ и дѣтямъ, давать было запрещено. *Третья*, родитель мой въ то время былъ боленъ, котораго въ такомъ положеніи оставить сыновняя любовь и обязанности не позволяли. *Четвертая*, у родителя моего имѣлось въ коммиссіи казеннаго товару принадлежащаго Александровскимъ заводамъ, въ наличности болѣе нежели на пятьдесятъ тысячъ рублей, въ коемъ вѣсу составляло до двухъ тысячъ пудовъ; а у меня, по должности гофмаклера, ввѣренныхъ отъ разныхъ особъ документовъ на знатныя суммы, конторскія многихъ годовъ книги и собственное наше имѣніе все находилось въ Москвѣ, что требовало заблаговременнаго приготовленія, уборки и отправленія и куда — опредѣлительно знать было не можно. Но какъ, выше означено,—увѣренія Начальства въ свое время отъ того удержали; а въ послѣдствіи и возможности выѣхать уже не было. По тогдашнимъ цѣнамъ провоза требовалось какъ для казеннаго товара, такъ собственнаго нашего имѣнія, дѣлъ и (какъ вамъ извѣстно)

---

[1]) См. «*Отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ. . . . Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ. . . . . .*» (№ 38, стр. 51). — № 40, стр. 53, отъ Главнокомандующаго надъ всѣми дѣйствующими арміями Е. Св. Кн. М. Л. Голенищева-Кутузова: (Авг. 21 дня, 1812 г.) . . . . Прошу, Ваше Сіятельство, *увѣрить* всѣхъ Московскихъ жителей *моими сѣдинами*, что еще *не было* ни одного сраженія съ передовыми войсками, *гдѣ бы наши* не одерживали *поверхности* . . . . (См. «Летучіе Листки 1812 г. —*Ростопчинскія Афиши.*—Собралъ и издалъ *П. А. Картавовъ.*» Спб., 1904 г., 8°).

немалаго семейства, отъ 15 до 20 тысячъ рублей. Безъ сомнѣнія повѣрите, что таковой суммы въ наличности у насъ не было. А потому и принуждены мы были оставаться въ Москвѣ, питая себя надеждою, что непріятель, войсками нашими, которыя отовсюду стекались, до Москвы допущенъ не будетъ, или таковаго варварства, каково отъ него произведено, не послѣдуетъ.

Но, сверхъ ожиданія нашего, вышло тому противное.

Начальство Московское и *Полиція*, съ 1-го на 2-е число Сентября (1812 г.) въ ночи *все выбыло* изъ города, *оставя насъ на произволъ судьбы* [1]). Непріятель 2-го числа послѣ полудня вступилъ, а со вступленіемъ его начались и бѣдствія наши. Вечеромъ въ Китаѣ-городѣ начался пожаръ, а въ послѣдовавшіе за тѣмъ дни *пожары и грабежи вообще.*

Начально остановились у насъ квартирою трое унтеръ-офицеровъ съ однимъ рядовымъ, конныхъ. Мы принуждены были просить ихъ, для спасенія жизни нашей, квартировать у насъ и быть нашими защитниками; но они отозвались, что имъ назначенъ походъ. Приготовленъ имъ столъ, водка, вино и пиво, которыми они были довольны, въ соотвѣтственность чего, пріѣхавшимъ другой партіи сказано ими, что квартира въ домѣ нашемъ занята для ихъ генерала; но пріѣхавшіе требовали хлѣба, который получа и уѣхали; а наши постояльцы, переночевавши, отправились. Послѣ ихъ остановился у насъ одинъ капитанъ и при немъ двое рядовыхъ. На просьбу нашу о защитѣ обнадежилъ онъ, что при немъ никто обезпокоить насъ не осмѣлится, и приходящихъ при немъ грабителей выгонялъ;... но по случаю усилившагося возлѣ дома нашего пожара (отъ котораго и нашъ не только въ крайней былъ опасности, даже и загорался, но нами былъ потушенъ) онъ отъ насъ выѣхалъ. Потомъ поставлены къ намъ однимъ полковникомъ гвардейскіе рядовые. Убѣдительныя просьбы наши къ сему чиновнику,

---

[1]) См. *П. А. Картавовъ*: «Ростопчинскія Афишки» (Спб., 1904 г.), стран. 59, № 46: 31 Авг., 1812 г. «Я завтра рано ѣду къ Свѣтлѣйшему Князю, ... *я пріѣду назадъ къ обѣду*, и примемся за дѣло; обдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ».

постояльцамъ хорошій столъ и подарки склонили ихъ также въ пользу нашу беречь насъ и даже наше имущество. Сіе сосѣдямъ нашимъ, въ томъ числѣ и Князя Трубецкаго людямъ, оставленнымъ въ домѣ его, было извѣстно. [Домъ Кольчугиныхъ былъ на Покровкѣ, въ приходѣ церкви Рождества въ Барашахъ, близъ дома князя Трубецкаго или нынѣшней Четвертой Мужской Гимназіи]. Посему въ одно время, пришедъ къ намъ, дворникъ его объявилъ, что кладовую у нихъ отбиваютъ, и просилъ, не можно ли постояльцамъ нашимъ защитить оную? Постояльцы были на-веселѣ, но просьбѣ нашей отъ кладовой грабителей отогнали; сказавъ при томъ, что они *насъ и домъ нашъ* по приказу полковника и за ласку нашу *хранить будутъ, но другихъ не могутъ*, а потому *та кладовая* съ людскимъ имуществомъ въ послѣдствіи *разграблена*.

А между тѣмъ *пожары*, ежедневно усиливаясь, наводили дому нашему и сосѣднимъ всегдашнюю опасность, изъ коихъ смежный съ нами купца Андронова былъ въ неминуемой опасности, но нами съ домашними и нанятыми за 25 рублей людьми избавленъ. Купецъ Андроновъ отданныя нами показанныя деньги, возвратяся въ домъ свой, при благодарности своей, принесши намъ, отдалъ. Послѣ того пожары безпрерывно продолжались...

А между тѣмъ Французскимъ начальствомъ, чрезъ *печатные листы*, объявлено, что грабежъ прекращается, и если кто изъ Французовъ или Русскихъ въ томъ изобличенъ будетъ, таковому положена смертная казнь. Въ сихъ объявленіяхъ напечатано было и о учрежденіи *Временнаго Городскаго Правленія* или *Муниципалитета* и Полиціи [1]). На первый возложено попеченіе *востановить въ Церквахъ богослуженіе*, и чтобъ оное было уважаемо, продовольствіе

---

[1]) См. *П. А. Картавовъ*: «Ростопч. Афиши», (Спб. 1904 г.) № 50, стран. 66—7: «По Высоч. Повелѣнію. Объявляется отъ Министерства Полиціи». — «Извѣстно, что *непріятель* учреждаетъ въ Москвѣ нѣкоторыя *на Французскій* образецъ *присутственныя мѣста* или Начальства, стараясь разглашать, яко бы дѣлаетъ то для возстановленія порядка и спокойнаго въ ней пребыванія. . . Для прикрытія сихъ неистовствъ успѣлъ онъ страхомъ или соблазнами *преклонить* нѣкоторыхъ *Русскихъ простолюдиновъ* принять на себя обязанности быть членами сихъ учреждаемыхъ отъ него обществъ . . . »

оставшимся въ городѣ жителямъ съѣстными припасами и прочее, а на послѣднюю—востановленіе спокойствія, тишины и очищенія города отъ мертвыхъ тѣлъ человѣческихъ и скотскихъ, лежащихъ на улицахъ. Въ первомъ назначенъ Интендантомъ Французъ *Лессепсъ*, а въ послѣдней комендантомъ таковой же, но имя его намъ неизвѣстно. Приказано ими, чтобъ Русскіе избрали изъ себя въ *Муниципалитетъ* голову съ четырьмя помощниками и двадцать человѣкъ въ товарищи или члены, а въ полицію комисаровъ. *Выборъ* сей происходилъ мимо насъ, слѣдовательно мы и были покойны. *Но въ одинъ день пришелъ въ домъ нашъ Французскій офицеръ* съ двумя рядовыми, *по запискѣ* у него имѣвшейся, *спросилъ меня* и *приказалъ идти съ собою къ Интенданту Лессепсу.*

Я, родитель мой и семейство наше приведены были симъ взятіемъ въ чрезвычайный ужасъ, полагая, что кромѣ смерти моей ожидать не можно. Родитель мой послалъ со мною человѣка, если можно, принести извѣстіе о послѣдствіи. Представили меня Лессепсу, который объявилъ мнѣ, что *я избранъ въ Муниципалитетъ и занялъ бы свое мѣсто.*

Я, выслушавши приказаніе, *просилъ его объ увольненіи*, представя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и *осмерыхъ дѣтей малолѣтныхъ* и что домъ нашъ частію выгорѣлъ и весь разграбленъ. Лессепсъ сказалъ мнѣ, что онъ отмѣнить меня не можетъ, потому *что выбранъ я не имъ, а «вашими Русскими и собственно для васъ Русскихъ»*. Я сталъ усиливаться просьбою; онъ, долго слушавъ и осердясь, сказалъ: «Чтожъ вы много разговорились? Развѣ хочете, чтобъ я объ васъ, какъ объ упрямцѣ донесъ моему императору, который въ примѣръ другимъ прикажетъ васъ разстрѣлять?» Послѣ сего *я не нашелся и не осмѣлился сказать уже ни слова.* Лессепсъ, походя по комнатѣ, *приказалъ* мнѣ идти за собою, *ввелъ* въ одну отдѣльную изъ комнатъ, гдѣ уже *голова съ прочими муниципальными засѣдали*, приказалъ имъ, чтобъ показали мнѣ мѣсто, а мнѣ оное занять, что я и принужденъ былъ исполнить. Перевязали мнѣ на лѣвой рукѣ *алую ленточку* въ знакъ, что я *муниципалъ*, о каковыхъ знакахъ припечатано было и въ объявленіяхъ, я, вышедъ, посланнаго со мною отправилъ успокоить родителей моихъ и жену и сказать, что скоро буду. Тутъ сказано мнѣ особенно головою, въ изви-

непіе выбора моего, что я, *по знанію моему Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, могу быть вѣрнымъ переводчикомъ*; а на иностранцевъ, хотя оные и въ подданствѣ не во всемъ полагались...

Мнѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ назначено *возстановить въ церквахъ богослуженіе*, и чтобъ оное было уважаемо, и *имѣть надзоръ за больными*. Сей только одинъ журналъ мною и подписанъ. Окончивши присутствіе и взявши себѣ одинъ экземпляръ печатнаго о муниципалитетѣ и полиціи постановленія, *пришедъ въ домъ*, разсмотря оные, *посовѣтовавшись* съ родителемъ: положили избѣгать присутствія, чтобъ никакихъ журналовъ не подписывать, а чтобъ являться передъ присутствіемъ или послѣ онаго и давать о себѣ знать, что пошелъ въ такой-то приходъ или въ такую-то часть къ больнымъ или былъ тамъ-то, чего однакожъ въ самомъ дѣлѣ выполнить было не можно, потому что церкви были разграблены и осквернены, а больныхъ совокупно нигдѣ не было, что и оставалось безъ исполненія; но *предлогъ* продолжался по нашему расположенію.

За недѣлю же, или около того, до выхода Французовъ, по требованію Лессепса, *муниципалитетъ назначилъ меня въ командировку переводчикомъ* при конвоѣ, который Французы намѣрены были отправить для закупки хлѣба или фуражировки по селеніямъ, около Москвы находящимся. Одинъ, хорошо мнѣ знакомый изъ муниципаловъ, зашедъ къ намъ въ домъ, о семъ назначеніи предувѣдомилъ. Первый ужасъ представился намъ: если сей конвой повстрѣчается съ Русскимъ, то должно произойти сраженіе; а пули и картечи не разбираютъ, что Русскій по волѣ или по неволѣ взятъ. Второй ужасъ: участвовать въ продовольствіи непріятеля было-бы противъ присяги Государю, Отечеству и совѣсти. Уйти, если бы и нашелся случай: представлялось оставленное семейство, которому мстить могутъ.

А потому я въ необходимости нашелся обвязать себѣ голову платкомъ, намочивъ оный уксусомъ, лечь въ постель и не жалѣть теплой воды, дабы, сдѣлавъ испарину, показаться больнымъ. Лицо мое по безкровію вамъ извѣстно; оно послужило удостовѣреніемъ. Мы ожидали ежеминутно присылки, которою и не умедлили. Присланный нашелъ меня въ таковомъ состояніи; просьба родителей, жены и представленныхъ *восьми* человѣкъ *малолѣтнихъ дѣтей*, убѣ-

дили офицера отрапортовать, что я боленъ и ѣхать не могу. Дня черезъ три мы узнали, что посылка сего конвоя отмѣнена: непріятели, какъ видно, узнавъ *о пораженіи ихъ корпусовъ, пришли въ примѣтное движеніе.* Городское Правленіе уже не собиралось, и каждый изъ Русскихъ трепеталъ о своей участи, о могущихъ произойти при выходѣ неистовствахъ.

Октября 6-го непріятель, собравъ войска свои въ Кремлѣ, шумный имъ дѣлалъ смотръ, послѣ котораго войска пошли въ занимаемыя ими квартиры. Переночевавъ, 7-го числа поутру они вышли тихо, оставя однакоже по словамъ ихъ 6000 человѣкъ, которые и вошли въ Кремль, а пикеты расположились только въ одномъ Китай-городѣ. 7-е и 8-е число протекли покойно, кромѣ продолжавшихся въ разныхъ мѣстахъ пушечныхъ, а на пикетахъ ружейныхъ, сигнальныхъ выстрѣловъ. *9-го вошла въ Москву небольшая* партія казаковъ до Красныхъ воротъ и далѣе, и бродящихъ по разнымъ мѣстамъ Французовъ, нѣсколько захватили и перекололи и, какъ видно, казаки дошли близко къ Китаю городу: то и послѣдовало изъ Кремля отъ 10-ти до 15-ти пушечныхъ выстрѣловъ ядрами, отъ коихъ вѣроятно казаки выѣхали обратно, а непріятели сдѣлались робчѣе. Во всю ночь слышны были изъ четырехъ мѣстъ поминутно пушечные сигнальные выстрѣлы. 10-го числа оные также были, но рѣже, такъ какъ чрезъ часъ. А пикеты, усиля, разставили по Бѣлый городъ у каждыхъ воротъ, то есть по Пречистенскіе, Арбатскіе, Тверскіе, Покровскіе и у прочихъ, съ приказаніемъ подозрительныхъ людей стрѣлять, потому что и жители съ казаками участвовали. Но вечеромъ всѣ пикеты сняли и воротились въ Кремль. Примѣтно было движеніе: награбленное имѣніе укладывали въ фуры и на воза. Въ 10 часовъ выбрались и изъ Кремля, а оставленные ими зажгли дворецъ и, подорвавъ придѣльную часть къ Ивановской башнѣ, арсеналъ, нѣкоторыя башни и въ разныхъ мѣстахъ Кремлевскую стѣну, изъ Москвы выступили.

По *выходѣ* непріятелей, стали *вступать Россійскія войска,* казаки, гусары и Московскій эскадронъ.

Начальникъ онаго г-нъ Гельманъ, по данному ему предписанію, принялъ на себя должность временнаго оберъ или просто полицеймейстера; а между тѣмъ казаки, объѣзжая вездѣ по городу, спрашивали у обывателей: не осталось-ли въ которомъ домѣ Французовъ и, буде гдѣ находили, брали

плѣнными. Г. Гельманомъ поставленъ на всѣхъ заставахъ караулъ, чтобъ изъ города никакового имѣнія и товаровъ не выпускать, потому что изъ ближнихъ къ Москвѣ селеній крестьяне, со вступленія Французовъ въ Кремль, оставшееся въ домахъ, лавкахъ и гостиныхъ дворахъ, гдѣ бы что ни было, все увозили. Потомъ г-нъ Гельманъ, собравъ всѣхъ, составлявшихъ *Муниципалитетъ* и Полицію, взявъ отъ каждаго допросъ или показаніе, обязавъ подписками о невыѣздѣ изъ Москвы, сдѣлалъ свободными.

Впослѣдствіи пріѣхалъ г. оберъ-полицеймейстеръ *Ивашкинъ*.

Вступя въ должность, онъ приказалъ собрать всѣхъ показанныхъ бывшихъ временными чиновниками и оставилъ подъ стражею. Потомъ прибылъ главнокомандующій и донесъ о семъ Государю Императору, на каковое донесеніе его и послѣдовало Высочайшее Повелѣніе, которымъ утверждена слѣдственная комиссія. Назначены въ оную главнокомандующій и сенаторы: Модерахъ и Болотниковъ. По пріѣздѣ сихъ послѣднихъ открыто присутствіе, въ которое приводимы подсудимые, допрашиваны, разсматривано существо дѣла, кто какія исправлялъ должности или препорученія, а между тѣмъ кто какого напредъ сего поведенія былъ. Собраны повальные обыски, а о купцахъ, сверхъ оныхъ истребовано отъ дому градскаго общества свѣдѣніе, на которое, по предписанію градскаго головы, собрано было Московское купеческое сословіе. Оно приговоромъ своимъ, въ честной и похвальной жизни и поведеніи, *и меня одобрило.* Комиссія, сдѣлавъ свое заключеніе, при закрытіи своемъ, многихъ приказала освободить съ роспискою, въ томъ числѣ *и меня*, а нѣкоторыхъ оставила подъ арестомъ.

За симъ неокончившимся несчастіемъ *послѣдовало новое, черное для чести моей и дому, убійственное*, о которомъ по порядку начать долженъ.

Вамъ извѣстно, милостивый государь, что домъ нашъ состоитъ въ смежности съ домомъ *Князя Трубецкаго*, который съ прочими сосѣдними выгорѣлъ. Люди, Княземъ при домѣ оставленные, заваливъ ворота или подъѣзды съ Покровки, жили въ прилегающихъ къ самому дому нашему подвалахъ; а чрезъ сосѣдніе погорѣлые и черезъ садъ нашъ проложили входъ и выходъ изъ онаго, чего по тогдашнему времени и воспретить было не можно. Соединясь съ Французами, они производили грабежи. По выходѣ нашемъ изъ

дому грабили въ ономъ и изъ кладовыхъ нашихъ что было можно, выносили изъ города въ Подмосковную князя [Село Знаменское или Бицы за Царицынымъ; принадлежало потомъ М. Н. Каткову], о чемъ когда мы возвратились въ домъ намъ сказано. По прекращеніи грабежа, когда по несчастію былъ я избранъ въ Муниципалитетъ, пришедъ къ нимъ въ подвалы я пересмотрѣлъ у нихъ находящееся и нашелъ собственное платье и денегъ моихъ, не менѣе какъ на 600 рублей, чего, какъ видно, изъ Москвы вынесть не успѣли. Поговоря съ ними рѣзкимъ образомъ, я оное отъ нихъ отобралъ. Послѣ люди сіи неизвѣстно откуда привезли двѣ бочки вина, завели продажу и пьянство. Число ихъ, съ приходящими изъ деревни, въ домѣ проживало болѣе пятидесяти человѣкъ. Сдѣлалось къ нимъ таковаго же сорту многолюдное стеченіе. Мы, опасаясь таковой буйной и шумной шайки, начально говорили имъ дружескимъ образомъ, что они то дѣлають неприлично времени и чтобъ продажу вина и пьянство прекратили; но они сего не сдѣлали. Послѣ замѣчены и наши люди участвующими въ пьянствѣ, что вывело уже насъ изъ терпѣнія и заставило сдѣлать съ ними сильную размолвку, съ тѣмъ что, если не прекратятъ торгу сего, то будемъ просить бывшаго тогда Французскаго коменданта, объявивъ о дурномъ ихъ поведеніи и грабежахъ. Это на нихъ и подѣйствовало. Но изъ сего и изъ вышеописаннаго произошла къ намъ *злоба*, а *къ мщенію* и открылся имъ *случай*. Передъ выходомъ непріятеля пришли въ домъ нашъ два Французскіе чиновника, не такъ какъ грабители, не вооруженно, а только съ тростями и въ сертукахъ, да и грабежа тогда уже не было. На вопросъ нашъ, что̀ имъ угодно? они объявили, что приказано имъ осмотрѣть домъ нашъ. Мы думали, что они намѣрены занять оный постоемъ, что̀ имъ и предоставлено. Обошедъ всѣ комнаты, спросили: «чей домъ?» Нами отвѣтствовано: «купецкой». Послѣ спросили: «который же домъ Трубецкаго?» Мы сказали, что оный возлѣ насъ. Они приказали мнѣ, чтобъ *я шелъ* съ ними *для перевода* требованій ихъ, объявя мнѣ, что у принца Невшательскаго покрадены вещи, о которыхъ сказано, что оныя унесены въ домъ князя Трубецкаго. Я спросилъ, чтобы они уволили меня и осмотрѣли одни; но они приказывали повелительно и грозили, почему и принужденъ я былъ идти съ ними и быть при нихъ въ родѣ переводчика. Вошедъ на дворъ князя, они приказали сыскать дворника, которому приказано сказать о причинѣ прихода ихъ и

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Милостивому Государю

ИВАНУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

ЛОПУХИНУ,

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,
СЕНАТОРУ

И

*Ордена Св. Анны первой
степени*

КАВАЛЕРУ.

Усерднѣйшее приношенiе

отъ Григорья Колчугина.

2. Посвященіе на книгѣ отъ Гр. Ник. Кольчугина. (1799 г.)

осмотра. Дворникъ отвѣчалъ, что у нихъ покраденныхъ вещей никакихъ нѣтъ, да и самое имѣніе ихъ сгорѣло и разграблено; а чтобъ въ томъ удостовѣрить, повелъ ихъ въ кладовыя, которыя обгорѣли и разграблены. Чиновники, изъявивъ неудовольствіе, приказали дворнику сказать, что они присланы не пустыя кладовыя осматривать, а искать покраденныхъ у принца вещей и увѣрить, что они кромѣ покраденныхъ вещей ничего изъ имѣнія, какое бы у нихъ ни было, не возьмутъ, что все мною было переведено и сказано, чтобъ они ничего не опасались и показали бы, что у нихъ есть изъ оставшейся рухляди. Дворникъ ввелъ ихъ въ занимаемые ими подвалы, гдѣ было накладено у нихъ, кромѣ вынесеннаго въ Подмосковную, довольное количество въ сундукахъ, ларцахъ, мѣшкахъ и кучахъ. Чиновники приказали чтобъ они изъ первыхъ выкладывали, а послѣднія переложили; но сами ни за что не взялись, пересматривали все, сказали, что тутъ покраденныхъ вещей нѣтъ, и велѣли спросить, нѣтъ ли гдѣ еще. Дворникъ и прочіе удостовѣрили, что нѣтъ. Выведши изъ подваловъ, они показывали на все строеніе, которое дѣйствительно выгорѣло. Чиновники, ничего не взявъ изъ имѣнія, которое пересматривали, изъ дома вышли и меня отпустили.

Происшествіе сіе по всей справедливости, тѣмъ и должно было бы кончиться; но нѣкоторые изъ людей, какъ выше сего сказано, *имѣя на насъ злобу* и притомъ будучи въ поведеніи своемъ виновны, *чтобъ избѣгнуть наказанія* по выходѣ непріятелей *донесли пріѣхавшему князю*, который, узнавъ поведеніе ихъ, дѣлая разборъ и нашедъ, что они дѣйствительно, соединясь съ Французами, производили грабежи, пять человѣкъ изъ нихъ при прошеніи своемъ представилъ Губернскому Правленію для удаленія на поселеніе или въ крѣпостныя работы. Слѣдовало бы отдать и самыхъ *доносителей*, яко участвовавшихъ въ грабежахъ; но они, во избѣжаніе сего, представили князю въ выслугу, что кладовую его спасли отъ разграбленія; а *по злости къ намъ донесли*, что *я приходилъ съ двумя Французскими чиновниками и яко бы спрашивалъ о кладовой.* Князь Трубецкой по уму и характеру своему, думаю, вамъ извѣстенъ. Оставя сихъ бездѣльниковъ въ разныхъ мѣстахъ, онъ поносилъ имя мое. Нѣкоторые изъ благомыслящихъ людей представляли Князю: можетъ ли быть сіе справедливо, и чтобъ онъ на людей своихъ не во всемъ полагался; но Князь былъ въ такомъ положеніи, что сего не уважилъ. А

потому *я нужнымъ почелъ съ Княземъ*, какъ съ *сосѣдомъ* и *знакомымъ* человѣкомъ, *лично объясниться*, для чего и пошелъ къ нему: но онъ не только не вошелъ со мною ни въ каковое объясненіе, но съ ругательствомъ отъ себя выслалъ. *Дѣлать было нечего какъ терпѣть* и предоставить на произволъ Божій и что *время невинность мою откроетъ* Князь понося меня вездѣ, бывши у г. главнокомандующаго, не оставилъ и ему сказать о семъ дѣлѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ ему разсудилось. Главнокомандующій приказалъ князю подать къ себѣ прошеніе. Тотъ *въ Январѣ мѣсяцѣ 1813 года*, въ поданномъ къ нему письмѣ, написалъ, что, по пріѣздѣ его въ Москву, увѣдомился онъ, что я, въ бытность непріятелей въ Москвѣ приходилъ въ домъ его съ непріятельскими офицерами и яко-бы объявилъ о себѣ людямъ его, что я въ службѣ Французской и долженъ знать, гдѣ находится его, Князя, кладовая, принуждая ихъ угрозами и будто-бы, повторяя требованіе мое, объявилъ я имъ, что въ противномъ случаѣ приведу довольное число непріятельскихъ солдатъ, которые ихъ разстрѣляютъ, какъ ослушниковъ воли моего начальства. Каковыя наглости и неистовства доводя до свѣдѣнія его, главнокомандующаго, *Князь просилъ дѣло сіе изслѣдовать и предавалъ оное на благоусмотрѣніе его*..

Главнокомандующій оберъ-полицеймейстеру далъ свое предписаніе. Въ немъ сказано, что подалъ къ нему Князь Трубецкой письмо, въ коемъ изъясняетъ: что во время бытія Французовъ въ Москвѣ, по сосѣдству живущій съ нимъ Московскій купецъ Григорій Кольчугинъ приходилъ къ нему съ непріятельскою партіею въ домъ, дѣлалъ разныя угроженія людямъ, чтобъ побудить ихъ къ показанію кладовыхъ и, производилъ разныя тому подобныя наглости, *Князь Трубецкой проситъ его, чтобъ съ купцомъ Кольчугинымъ поступлено было по законамъ*. Главнокомандующій, препровождая письмо Князя оберъ-полицеймейстеру, рекомендовалъ ему *приступить къ точнѣйшему изслѣдованію* описанныхъ Княземъ обстоятельствъ...

1813 года Февраля 9-го слѣдствіе представлено г-ну оберъ-полицеймейстеру, къ которому призванъ и я. *Взято* отъ *меня письменное показаніе*, состоящее въ самой справедливости и въ томъ, что не *въ Сентябрѣ*, какъ люди показываютъ, по вступленіи дней нѣсколько спустя, а въ Октябрѣ 1 или 2 числа, слѣдовательно приходили передъ

выходомъ непріятелей, когда грабежъ былъ уже прекращенъ и, какъ выше показано, *искали покраденныхъ у принца Невшательскаго вещей, а о кладовой не только не знали, не спрашивали, но и не думали.*

Потомъ сдѣлана *мнѣ съ доносителями у него.* г-на оберъ-полицеймейстера, *очная ставка*, на которой, будучи *мною уличены*, они *признались*, что я съ Французскими офицерами приходилъ *уже передъ выходомъ* изъ Москвы, когда *грабежа уже не было* и искали покраденныхъ вещей у принца Невшательскаго; но они остались при показаніи, что о кладовой спрашивалъ, дополня противъ перваго своего въ Части допроса, что я ихъ *успокоивалъ*, чтобъ они ничего не опасались, потому что офицеры ничего у нихъ не возмутъ и никакой обиды имъ не сдѣлаютъ, и что пересмотря имѣніе ихъ, дѣйствительно ничего не взяли, не били ихъ и не устращивали.

Г-нъ оберъ-полицеймейстеръ, отпустя меня въ домъ, *препроводилъ дѣло въ Управу Благочинія*, а Главнокомандующему донесъ рапортомъ, который, не основавшись на рапортѣ его, изъ Управы Благочинія вытребовалъ дѣло къ себѣ и, разсмотря оное отослалъ оное обратно и *того жъ Февраля 23 далъ предложеніе взять меня подъ арестъ, что и исполнено*, а дѣло препровождено къ сужденію Магистрата въ І-й Департаментъ.

Родитель мой рѣшился просить г-на главнокомандующаго отъ себя *письмомъ*, прописавъ въ ономъ невинность мою, *свидѣтельствовался въ поведеніи* какъ *своемъ*, такъ и *моемъ* всѣми, кто только насъ знаетъ и *самою полиціею*; потому что *въ одной Части болѣе 25-ти лѣтъ живемъ своимъ домомъ*, въ теченіе которыхъ, какъ прежде, такъ во время пашествія непріятелей и по выходѣ оныхъ, на насъ и домъ нашъ не только просьбъ и жалобъ, но ниже подозрѣнія ни отъ кого не было: *просилъ* для успокоенія жены моей и осмерыхъ малолѣтныхъ дѣтей *отпустить меня на росписку его.* Но просьба *осталась* безъ *всякаго уваженія.*

Вамъ извѣстно, милостивый государь, что *я по выбору и аттестатамъ знатнѣйшаго Московскаго купечества* бывшею *Комерцъ-Коллегіею опредѣленъ* и отправлялъ *въ Москвѣ должность гофмаклера и въ Учетной Конторѣ.* По поводу сего *управляющій* Московскимъ Отдѣленіемъ Банка и Учетною Конторою, г-нъ дѣйств. ст. сов. и кавалеръ Попковъ, вошелъ съ представленіемъ къ главнокоман-

дующему, коимъ изъяснялъ, что я къ должности не являюсь, а, по дошедшимъ до него слухамъ, содержусь подъ стражею; не бывъ онъ, управляющій, извѣстенъ по каковому случаю и за что именно, просилъ его сіятельство не оставить его по предмету сему увѣдомленіемъ. Главнокомандующій изъ сего отношенія усмотрѣлъ, что о семъ происшествіи г-нъ Попковъ обязанъ сдѣлать свое доношеніе высшему начальству и отвѣтствовалъ, что содержусь подъ стражею за приходъ съ непріятельскими офицерами въ домъ Князя Трубецкаго для грабежа кладовыхъ, и дѣло обо мнѣ представлено законному разсмотрѣнію; но въ предосторожность свою, не остановясь на семъ, онъ отнесся къ г-ну Министру Финансовъ, въ которомъ отношеніи написалъ, что Московской Учетной Конторы маклеръ Кольчугинъ, по образу поведенія своего и сильному подозрѣнію въ нѣкоторыхъ законопротивныхъ дѣйствіяхъ при нашествіи непріятельскомъ, не можетъ быть терпимъ въ настоящей должности его. Г. Министръ Финансовъ, основавшись на таковомъ отношеніи его, предложилъ правленію Банка на мѣсто мое опредѣлить въ Учетную Контору маклеромъ другого, а меня изъ вѣдомства ея исключить и въ штатѣ своемъ болѣе не числить; а вслѣдъ за онымъ, согласно отношенію главнокомандующаго, г-нъ Министръ предложилъ департаменту внѣшней торговли, по причинамъ выше сего отъ главнокомандующаго представленнымъ, объ удаленіи меня и отъ должности гофмаклера, о чемъ департаментъ и сообщилъ Московскому Губернскому Правленію, съ тѣмъ, чтобъ данные мнѣ отъ бывшей Комерцъ-Коллегіи на исправленіе должности указы, отъ меня отобрать и доставить въ тотъ департаментъ.

Первый департаментъ Магистрата, разсматривая дѣло, изъ обстоятельствъ *усмотрѣлъ*, что какъ самъ Князь Трубецкой въ поданномъ главнокомандующему письмѣ, такъ и *люди* его между собою *показываютъ разнообразно*; а потому за силою приведенныхъ имъ законовъ на таковомъ *доносѣ* и утвердиться не могъ, тѣмъ паче, что *кладовая осталась въ цѣлости*. Къ тому же *я повальнымъ обыскомъ* въ поведеніи моемъ и Московскимъ купеческимъ обществомъ *одобренъ*, почему и наказанія мнѣ за оное положить никаковаго не могъ. Въ заключеніи же сказано: но прежде, когда оное Уголовной Палаты первымъ департаментомъ утвердится, отдать меня на вѣрное поручительство, о чемъ, вслѣдствіе полученнаго отъ главнокомандующаго предложенія,

испрашивать отъ губернскаго прокурора повелѣнія, для чего изъ дѣла сочинить записку. *Но я и послѣ сего опредѣленія остался подъ арестомъ.*

Дѣло внесено въ Палату Уголовнаго Суда на ревизію, гдѣ я въ подтвержденіе прежнихъ допросовъ, какъ и прежде при увѣщаніи священника, спрашиванъ и показалъ, что было по самой справедливости, утверждаясь во всемъ на прежде учиненныхъ показаніяхъ. А между тѣмъ усмотрѣно мною, что показанія людей Князя Трубецкаго, бывшаго у оберъ-полицеймейстера на очныхъ ставкахъ, въ дѣлѣ нѣтъ, а вмѣсто оныхъ на прежнемъ допросѣ имъ подписано, что они подтвердили тоже, или согласно допросамъ, и на очныхъ ставкахъ показали. Я просилъ Палату къ усмотрѣнію справедливости съ означенными по дѣлу Князя людьми произвести въ присутствіи ея *очную ставку*, поелику оной въ судебномъ мѣстѣ, кромѣ какъ только при дѣлахъ оберъ-полицеймейстера не было.

Люди Князя Трубецкого Палатою черезъ Управу Благочинія были вытребованы и въ присутствіи на очной ставкѣ *отступили*, какъ и у оберъ-полицеймейстера, отъ прежняго въ Части допроса, хотя и разнообразно, потому что спрашиваны, по примѣру суда святаго Даніила о Сусаннѣ, порознь. Но къ существу справедливости они ближе и болѣе нежели у оберъ-полицеймейстера показали....

А потому *Палата* въ рѣшительномъ опредѣленіи своемъ *заключила*: что о Кольчугинѣ, по основанію воинскихъ процессовъ 2-й части 1-й главы 2-го пункта и указовъ 1763-го Февраля 10-го и 1801-го годовъ Сентября 27-го числа, *виновнымъ почесть и къ каковому-либо сужденію приговорить не можно*, тѣмъ болѣе, что оный Кольчугинъ въ поведеніи своемъ повальнымъ обыскомъ *одобренъ*, и сіе самое подтверждается выборомъ и аттестатами, сдѣланными ему отъ здѣшняго Градскаго Головы и знатнѣйшаго купечества, по коимъ начально былъ онъ *съ 1799-го гофмаклерскимъ помощникомъ, а съ 1803-го года* настоящимъ *гофмаклеромъ*, въ которомъ званіи утвержденъ Высочайшимъ Повелѣніемъ: сверхъ сего находился онъ при Московской Учетной Конторѣ маклеромъ и пожалованъ за усердную и безпорочную службу *золотою медалью* съ надписью *за усердіе*, для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ. И *для того*, по всѣмъ выше значущимся обстоятельствамъ, означеннаго *Кольчугина отъ суда и слѣдствія освободить.*

Что же онъ находился въ службѣ Французской, то уже объ ономъ разсматривано было въ особо учрежденной по Высочайшему повелѣнію Комиссіи, и онъ за оное сужденію *не преданъ;* слѣдовательно Палатѣ въ каковое либо объ ономъ сужденіе и входить не можно, о чемъ Магистрата 1-му Департаменту съ обращеніемъ дѣла и дать знать указомъ. Во исполненіе-жъ указа 1803-го года Маія отъ 4-го дня сіе рѣшеніе обще съ дѣломъ представить на утвержденіе къ Его Сіятельству г-ну Генералу отъ инфантеріи, Оберъ-каммергеру, Сенатору главнокомандующему въ Москвѣ и въ губерніи начальствующему по гражданской части, Главному начальнику Комиссіи для строенія въ Москвѣ, орденовъ Святаго Андрея Первозваннаго и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ кавалеру, Графу Ѳедору Васильевичу *Ростопчину.* По полученіи же отъ Его Сіятельства согласнаго предложенія, съ возвращеніемъ сего рѣшенія и дѣла, *учинить исполненіе* Сентября 22 дня 1813 года. Рѣшеніе и дѣло того же Сентября на утвержденіе Главнокомандующаго внесено; но *арестъ мой продолжался по 23 Декабря,* въ которое *освобожденъ* по приказанію Главнокомандующаго. *И тѣмъ десятимѣсячное страданіе мое кончилось.*

Дѣло по службѣ Муниципалитета Слѣдственною Комиссіею по Высочайшему повелѣнію внесено было въ Правительствующій Сенатъ, а изъ онаго поступило въ Государственный Совѣтъ, потомъ въ Комитетъ Министровъ.

А между тѣмъ *Августа въ 30-й день 1814 года* воспослѣдовалъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора Высочайшій манифестъ, которымъ всѣ во время нашествія непріятелей подпавшіе преступленіямъ прощены, слѣдовательно и мы полагали себя въ томъ же числѣ; но, сверхъ ожиданія нашего, благодареніе Богу, Всемилостивѣйшему Государю, законамъ его и высшимъ правительствамъ, они дали намъ новую жизнь, возстановили честь домовъ нашихъ, предписали Московскому Губернскому Правленію отъ . . . . сего 1815 года Указомъ, *виновныхъ поимянно всѣхъ по манифесту простить,* а непризнанныхъ виновными отъ суда и слѣдствія освободить въ числѣ послѣднихъ *и меня,* который указъ Московскимъ Губернскимъ Правленіемъ чрезъ Управу Благочинія намъ и объявленъ, и *должности гофмаклера и по Учетной Конторѣ,* которыя до сего несчастнаго случая я занималъ, мнѣ *возвращены».*

Какъ видно, частію уже и изъ приведенныхъ выше строкъ, Григ. Никитичъ *Кольчугинъ* навлекъ на себя гнѣвъ Графа Ѳ. В. Ростопчина, и послѣдній постигъ его наравнѣ съ другими тогдашними Московскими мистиками; только тѣ подверглись давленію *до* занятія Москвы Французами, а Кольчугинъ—по возвращеніи графа Ростопчина «изъ бѣговъ» обратно на свой постъ въ сожженную столицу. Г. Н. Кольчугинъ до и послѣ 1812 года занималъ должность Гофъ-маклера въ Коммерческомъ Банкѣ. Къ нему обращались за совѣтами по крупнымъ юридическимъ дѣламъ. *Умеръ онъ 24 марта 1835 года, оставивъ* послѣ себя одиннадцать человѣкъ дѣтей и нѣсколько *разстроенное состояніе* вслѣдствіе потерь въ дѣлахъ съ извѣстнымъ поставщикомъ Военнаго Министерства *В. В. Варгинымъ*, раззоренньмъ въ Отечественную войну 1812 г. В. В. Варгинъ былъ „болѣе 20 лѣтъ главнѣйшимъ поставщикомъ для нашей Арміи—во времена, по большей части трудныя и тяжкія—и доставлялъ Правительству вещи, на обмундированіе войскъ потребныя, съ быстротою, по цѣнамъ менѣе, чѣмъ умѣреннымъ, даже невѣроятнымъ..." См. о В. В. Варгинѣ и въ оправданіе его—любопытныя письма и замѣтку, сообщенныя землякомъ послѣдняго *А. А. Астаповымъ* въ X-ой части «Сборника старинныхъ бумагъ,» издаваемаго П. И. Щукинымъ [1]).

Григорій Никитычъ Кольчугинъ, вслѣдствіе Московскаго пожара при нашествіи Наполеона въ 1812 году и печальныхъ недоразумѣній, случившихся съ нимъ въ 1812—1814 гг.—много потерялъ и здоровья, и матеріальныхъ сбереженій и оставилъ сыну своему *Ивану Григорьевичу*—только родовой завѣтъ продолжать наслѣдственное книжное дѣло и «правила», положенныя еще въ руководство отъ родителя, а средствъ на расширеніе торговли до зѣла мало. Этимъ, можетъ быть, и объясняется какая-то всегдашняя сосредоточенность и скрытность Ивана Григорьевича и странный его обычай—при встрѣчѣ съ знакомыми низко имъ кланяться, но *не* подавать руки и разнаго рода его шутки, чудачества и проч.

---

[1]) См. о *В. В. и Я. В. Варгиныхъ* еще „Моск. Вѣдомости" 1862 г., №№ 199, 208, 218 и 238.

III. Иванъ Григорьевичъ Кольчугинъ [1]).

(1801 — 1862).

Книжное дѣло, повидимому, по наслѣдству отъ предковъ продолжалось все въ той же лавкѣ Кольчугиныхъ на Никольской улицѣ рядомъ съ соборомъ Казанской Божiей Матери въ домѣ, принадлежавшемъ послѣднему,—и однимъ изъ сыновей Григорiя Никитича, *Иваномъ Григорьевичемъ*.

Акад. и проф. *С. П. Шевыревъ* въ своемъ «Введенiи въ Исторiю Русской Словесности» при свѣдѣнiяхъ о библiотекѣ М. Н. Лонгинова счелъ умѣстнымъ упомянуть имя И. Г. Кольчугина, какъ достойнаго и извѣстнаго ученымъ и библiофиламъ книгопродавца. (См. «Исторiю Рус. Словесности». Лекцiи. Часть I. Изд. 2-е, умноженное, М. 1859 г. стран. LXXXVIII).

И. Г. Кольчугинъ родился 8-го iюля 1801 г. (такъ значится на его надмогильномъ памятникѣ на Даниловскомъ кладбищѣ). Къ книжному дѣлу онъ присталъ съ 12-ти лѣтъ (съ 1813-го года?), сперва служилъ у книгопродавца *П. И. Глазунова* (р. 1782 г., съ 1811-го торговавшаго въ Москвѣ), во время его широкой дѣятельности. Самостоятельно же сталъ онъ торговать въ наслѣдственной Лавкѣ, повидимому лишь послѣ 1812 года, а до того времени былъ въ ученьи по книжному дѣлу, къ которому пристрастился „отъ юной версты". Лавка Кольчугиныхъ помѣщалась въ одноэтажномъ, невысокомъ, каменномъ домѣ; входъ былъ наравнѣ съ мостовой, оконъ не было, но двѣ двери, которыя и были постоянно открыты для свѣта, что и называлось лавкою въ два „раствора". Противъ Лавки приходился *„Узенькiй* рядъ"—какъ его прозывали въ Рядахъ; тамъ еще палатки, были въ ряду, что сзади Ножовой линiи; вверху было помѣщенiе наподобiе чердака, его-то и занимали чуть не даромъ. Надъ лавкой была длинная вывѣска желѣзная, на бѣломъ черными буквами написано: книжная торговля такого-то.

---

[1]) Считаю непремѣннымъ долгомъ изъявить здѣсь же глубокую признательность П. А. Ефремову за нѣкоторыя указанiя и воспоминанiя объ И. Г. и И. И. Кольчугиныхъ. *П. С.*

На Никольской улицѣ, въ книжныхъ лавкахъ у купца Кольчугина *сверхъ многихъ другихъ продаются еще слѣдующія книги.*

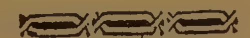
Сочиненія Господина Державина, писанныя имЪ на разныя случаи, вЪ бум. 650 коп. вЪ пер. 680 коп.

Лучшіе часы жизни моей, сочиненія дѣвицы Марьи Поспѣловой. вЪ пер. 130 коп.

Четыре Оды ея же сочин. 95 коп.

Остатокъ человѣколюбія во Франціи, или Анекдоты Республики. 90 коп.

Несбыточныя путешествія вЪ небывалыя страны свѣта, соч. Г. *Осипова*, издателя Энея наизнанку. 100 коп.

3. Снимокъ съ **Росписи книгамъ** (1799 г.) продававшимся Гр. Ник. Кольчугинымъ.

Чтобы читатель могъ уяснить себѣ, что означалось названіемъ *„палатки“*, попросимъ его заглянуть въ изданный С. В. Кульженкомъ въ 1893 г. въ Кіевѣ атласъ рисунковъ при „Очеркѣ“ А. С. Размадзе: „Торговые ряды на Красной Площади въ Москвѣ“ (см. таблицы „Верхніе ряды передъ сломкой. „Ножевая линія“, „Узенькій (межеумокъ) рядъ“, „Холщевый рядъ“). Тамъ можно видѣть эти палатки во 2-мъ ярусѣ и надъ ними чердаки, обдѣланные деревомъ, въ 3-ьемъ ярусѣ постройки.

Кольчугиными для склада книгъ было занято издавна нѣсколько такихъ палатокъ и чердаковъ надъ ними. Оконъ въ нихъ не вставляли, голуби свободно тамъ водились и летали; да и самыя помѣщенія не запирались. Въ старое время такіе чердаки, за смертью хозяевъ, легко занимались первымъ, кто желалъ и кому было удобнѣе занять такія безхозяйныя, какъ бы выморочныя, помѣщенія.

Извѣстно, что книжная и картинная торговля въ Москвѣ съ XVII-го вѣка укрѣпилась подъ Кремлевскими Спасскими воротами и на Мосту, который былъ устроенъ отъ нихъ къ Красной площади. Книгопродавцы, ведшіе торговлю на Спасскомъ мосту въ лавкахъ, повидимому еще въ 1780 — 90-ыхъ годахъ стали перебираться на Никольскую улицу, гдѣ уже издавна были иконныя лавки, въ коихъ продавались и вообще разные предметы церковнослужебнаго обихода, а также церковныя печатныя и письменныя книги, тетрадки, листы съ акаѳистами Святымъ, молитвами и проч.

Въ знаменитый пожаръ Москвы 1812 года сгорѣли „Гостиный рядъ и весь городъ“, на Никольской же „книжныя лавки всѣ сгорѣли“, остались „цѣлы домы: Шереметева, Духовная Типографія, Кусовникова и еще одинъ чей-то домъ...“. (См. Рус. Архивъ 1876 г. № 7, стран. 312). Послѣ пожара все стало обновляться и вновь обстраиваться.

Старые Верхніе Торговые Ряды (до 1886—93 гг.) главной стороной выходили на Красную площадь, гдѣ находилась такъ называемая „Пожовая линія“. Внутри этой части Рядовъ было въ 1850—60-ыхъ годахъ и ранѣе, мѣсто, гдѣ торговали подовыми пирогами, и выстроился даже цѣлый *Квасной Рядъ*, а квасы были въ то время разнообразные: малиновый, яблочный, грушевый и т. д. Тутъ же пріютились торговцы лубочными картинками, которыя они развѣшивали на веревочкахъ для болѣе удобнаго обозрѣнія ихъ покупателями.

На Никольской въ половинѣ XIX-го вѣка ютился уже по лѣвой сторонѣ (идя отъ Красной Площади) сплошной рядъ книжныхъ лавочекъ, подробнѣе объ этомъ будемъ говорить въ свое время, когда пойдетъ рѣчь о книжной торговлѣ въ Москвѣ и о развитіи ея и издательской дѣятельности разныхъ фирмъ. Пока же упомянемъ, что на правой сторонѣ Никольской книжная и картинная торговля производилась только въ проѣздныхъ воротахъ, ведшихъ во дворы, гдѣ были всякіе торговые склады и на оградѣ дома графа Шереметева, гдѣ между прочими, производили торговлю въ 50-ыхъ гг. *Вл. Вл. Лепёхинъ* (перебравшійся впослѣдствіи въ Петербургъ), *С. Ф. Хлѣбниковъ*, *Вл. Н. Шайкинъ*, братья Иванъ и Алексѣй *Герасимовы*, Ив. Петров. *Балакиревъ*, братья Павелъ и Сергѣй *Шишовы*, Иванъ Никол. *Салаевъ* и Ив. Мих. *Прѣсновъ*.

Вообще Никольскую улицу въ Москвѣ въ то время слѣдуетъ приравнять къ „Книжной Линіи“ или „Ряду“ на Апраксиномъ рынкѣ до пожара послѣдняго, случившагося въ Духовъ день 28-го мая 1862 г. (въ Санктпетербургѣ) [1].

Московскій книгопродавецъ и антикваръ-собиратель *Аѳ. Аѳ. Астаповъ* въ своихъ любопытныхъ запискахъ, которыя переданы имъ въ наше распоряженіе и которыми мы пользуемся, гдѣ нужно, въ настоящей статьѣ, сообщаетъ объ Иванѣ Григорьевичѣ и его сынѣ Иванѣ Ивановичѣ свѣдѣнія съ 1850 года. Когда г. Астаповъ еще служилъ у дяди въ Ножовой линіи и торговалъ тамъ въ „шкапчикѣ“ писчей почтовой бумагой, то Ивану Григорьевичу съ сыномъ приходилось ежедневно проходить по Рядамъ, такъ какъ они жили въ Замоскворѣчьи за Чугуннымъ мостомъ, въ Овчинникахъ, въ приходѣ Михаила Архангела въ собственномъ деревянномъ домикѣ [2].

П. А. Ефремовъ въ „Разсказахъ о временахъ Николая“ въ статьѣ II-ой: „Братья Критскіе и ихъ това-

---

[1]) О книжной торговлѣ на Апраксиномъ Дворѣ до пожара и потомъ нами уже приготовлена статья, которая и появится, въ „Книжной Биржѣ“ въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ.

[2]) Есть упоминаніе, что въ 1785—1794 гг. Моск. 3-ьей гильдіи купцу Никитѣ Никифорову Кольчугину, «записному раскольнику», принадлежалъ на Никольской улицѣ домъ (между домомъ Ремесленнаго Общества и домомъ братьевъ Третьяковыхъ (нынѣ аптекаря Феррейнъ) и что ранѣе съ 1755 по 1784-й годъ владѣніе сіе извѣстно было подъ именемъ «двора Санктпетербургской Академической Лавки, гдѣ всякія книги продаются». (См. „Указатель

рпцы въ Москвѣ" привелъ изъ юношеской поры жизни *И. Г. Кольчугина* одинъ случай, когда онъ могъ бы сильно пострадать за неосторожное свое слово, вызванное просто его прирожденнымъ остроуміемъ и веселостью нрава. „11 Августа *1827* года на главную гаубтвахту въ Кремлѣ пришелъ нѣкто Николай Лушниковъ, сынъ Симбирскаго помѣщика, пріѣхавшій въ 1826 г. для поступленія въ Московскій Университетъ"... Оказывается, что Лушниковъ и его недавніе знакомые, братья Критскіе были привлечены къ отвѣтственности за призывъ военныхъ людей къ мятежу и т. под. Приводимъ выписку о Кольчугинѣ:

„Книгопродавецъ, московскій купеческій сынъ *Иванъ Кольчугинъ* (показалъ). Лушниковъ зайдя въ лавку, спрашивалъ о цѣнѣ „Думъ" *Рылѣева* и, выхваляя его геній, сожалѣлъ объ (его) участи. *Кольчугинъ* сказалъ: „что, за что онъ погибъ, увѣковѣчило его память; слѣдственная коммиссія сдѣлала ихъ дураками; они-бы по нашему, попросту изъ-за уголка"... Лушниковъ сказалъ иронически: „пойти помолиться за царя, да поставить за него *свѣчку*". — Кольчугинъ прибавилъ: „да, ужъ *и отъ меня поставьте сальную*!" Кольчугинъ противъ этого показанія Л—ва не сознался, говоря, что не помнитъ, и что по молодости это можетъ быть извинительно, „впрочемъ прося снисхожденія у присутствующихъ."—„Незабвенный" написалъ на докладѣ комиссіи между прочимъ 21 Ноября 1827: „Кольчугина простить, но имѣть строгій присмотръ". (См. „Полярная Звѣзда" на 1862 (годъ), издаваемая *Искандеромъ* и Н. Огаревымъ. Книжка VII, вып. 1-й. Лондонъ, Вольная Русская Типографія, 1861 г., стран. 104—5).

Внѣшнимъ видомъ Кольчугинъ-отецъ походилъ на Плюшкина: худощавый, борода бритая, носилъ длиннополый свѣтлосиняго цвѣта армякъ или кафтанъ, зимою въ шубѣ,—и ниже живота подпоясывался кушакомъ, на головѣ фуражка или точнѣе картузъ, триповый зимою съ ушами. И ходилъ онъ въ такомъ одѣяніи десятками лѣтъ безъ измѣненія. Сынъ, Иванъ

Москвы, показывающій по азбучному порядку имена владѣльцевъ всѣхъ домовъ сей столицы. Часть I. М. 1793 г.» (подъ № 3-имъ) и изданную *А. А. Астаповымъ* «Лѣтопись Московской Троицкой, что въ поляхъ Церкви, составл. Свящ. оной о. Николаемъ Соловьевымъ». М. 1887, стран. 248—9, вып. 52 и 53).—У И. Г. Кольчугина былъ еще домъ—противъ Обжорнаго ряда; онъ былъ его сыномъ Иваномъ Ивановичемъ проданъ за 25000 руб.

Ивановичъ носилъ впослѣдствіи красныя штаны и сюртукъ голубого цвѣта. Идетъ, бывало, Иванъ Григорьевичъ, и всю свою жизнь торопится скорымъ шагомъ, бѣгалъ пѣтушкомъ согнувшись. Въ лавку Иванъ Григорьевичъ ходилъ всегда аккуратно и во время. Идутъ отецъ и сынъ сзади, согнувшись и понуря голову, во всю дорогу молчанкой... Въ былое время въ Рядахъ висѣли по линіи въ серединѣ иконы, то, идя по Ножовой линіи, не пройдетъ Иванъ Григорьевичъ мимо ни одной иконы, чтобы не помолиться. Когда онъ снималъ картузъ, то обнажалась вся его блестящая лысина. Если ему случалось встрѣчаться съ людьми знакомыми, то онъ на привѣтствія снималъ картузъ и кланялся, но не было замѣтно, чтобы онъ кому-либо подавалъ руку и торопится далѣе; только слышится при поклонѣ его всегдашняя книжная фраза: „Бью челомъ нижайше земли". Подойдутъ оба къ лавкѣ, помолятся Богу на обѣ стороны, а уже ихъ ждутъ не дождутся покупатели и продавцы книгъ: это такъ называемые „стрѣлки" [1]), что за минувшій день наловили въ домахъ, у татаръ, у барышниковъ... И такъ цѣлый день у Кольчугина въ лавкѣ толчется народъ.

Въ лавкѣ И. Г. Кольчугина во всю ея длину былъ устроенъ прилавокъ у прохода за него была конторка на столѣ, и за нею всегдашнее мѣстопребываніе хозяина. Ни стула, ни скамейки въ лавкѣ не было. Между двумя дверями постоянно лежала огромная груда книгъ, покрытая пылью; книги были навалены какъ непопадя, то есть, попросту сказать, царилъ въ ней невообразимый хаосъ, но никто не смѣй тронуть съ мѣста книги, если она имъ гдѣ положена, потому, что онъ хорошо зналъ, гдѣ какая книга лежитъ, чуть не зажмуря глаза найдетъ самъ нужную покупателю книгу. Если же кто изъ служащихъ бралъ ту или иную книгу, то клади на то мѣсто, гдѣ она лежала: храни Богъ, вздумать переложить книги и въ порядокъ привести,—Иванъ Григорьевичъ взбѣсится, изругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ, потому что онъ каждую книгу зналъ куда положилъ, за порядкомъ же не слѣдилъ.

Но старикъ пользовался величайшими симпатіями разнокалиберной московской публики: часто можно было встрѣтить

---

[1]) *Стрѣлками* называются въ Москвѣ люди вольныхъ профессій, причастные къ книжному дѣлу и часто служащіе посредниками между книгопродавцами, торгующими въ лавкахъ, и продавцами и т. п.—Ср. петербургскихъ «племянниковъ».

въ его лавкѣ такихъ покупателей книгъ для своихъ внучатъ, которые еще въ своей молодости пріобрѣтали ихъ для себя.

Извѣстный нашъ библіографъ, издатель русскихъ классиковъ и собиратель-библіофилъ *П. А. Ефремовъ* былъ покупателемъ Кольчугина чуть ли не съ того времени, какъ сталъ себя помнить. Сперва онъ ходилъ (10-ти лѣтъ) гимназистомъ покупать учебники, которыхъ у Кольчугина всегда было запасено много, и выборъ ихъ былъ значительный. Обыкновенно учебники, въ которыхъ миновала уже нужда, вымѣнивались съ небольшою скидкою на другіе, и такъ бывало отъ курса до курса ежегодно осенью. Потомъ вспоминаетъ Петръ Александровичъ, какъ онъ сталъ постояннымъ покупателемъ Кольчугина по поступленіи уже въ Московскій Университетъ и впослѣдствіи. Придетъ онъ къ Кольчугину и скажетъ, что́ ему нужно собрать. Иванъ Григорьевичъ въ отвѣтъ: „поищу-съ!" Это значило, что есть у него, сыщетъ непремѣнно. Отправляется онъ къ знаменитой „кучѣ" между двумя входными дверями, гдѣ онъ держалъ преимущественно подозрительныя книги, присмотрится и, не разбирая ничего, покопается и вынетъ, что слѣдовало сыскать. Отъ Кольчугина П. А. Ефремовъ пріобрѣлъ въ свое время разныя рѣдкія изданія *К. Ѳ. Рылѣева*: „Думы", „Войнаровскій" и проч.; „Повѣсти" Павлова, „Продѣлки на Кавказѣ", много *сатирическихъ журналовъ* Екатерининскаго времени, и т. д. — Особенно выгодно расторговался Иванъ Григорьевичъ, когда было сдѣлано московскими властями по книжнымъ магазинамъ распоряженіе, чтобы имъ „Отечественныя Записки" не продавать, а представлять въ Канцелярію Московскаго Генералъ-Губернатора Графа Закревскаго, за нихъ обѣщали выдавать по рублю за книжку. Отдѣльно же книжки „Отечественныхъ Записокъ" съ статьями Герцена и Бѣлинскаго продавались Кольчугинымъ вообще дорого, по 50 коп. за книжку, тогда какъ другія книжки имъ уступались по 10—20 коп. Но вотъ теперь былъ случай пріобрѣсти ихъ по очень сходной цѣнѣ: Кольчугинъ представилъ книжки „Отеч. Записокъ" (1841—6 гг.) въ Канцелярію Графа и получилъ за нихъ по рублю, но предварительно вырѣзалъ изъ нихъ всѣ статьи Герцена и Бѣлинскаго, за которыя „Отеч. Записки" и были извлекаемы изъ продажи. Такихъ вырѣзокъ съ статьями и романами набрался наконецъ у Кольчугина цѣлый коробъ. Когда о запрещеніи было уже забыто,

онъ и сталъ подъ-шумокъ [1]), потихоньку продавать ихъ постояннымъ своимъ покупателямъ. Такъ онъ уступалъ ихъ и Петру Александровичу дешево, такъ какъ статьи эти уже съ лихвою себя оправдали.

Вотъ одинъ изъ главныхъ торговыхъ пріемовъ Ивана Григорьевича, на которые онъ такъ былъ изобрѣтателенъ. Покупатель спрашиваетъ книгу. Если есть она у него, то доставать съ полки или изъ кладовой самъ пойдетъ или пошлетъ мальчика, съ обычнымъ присловіемъ: „*молодой человѣкъ*, подика сыщи (такую-то) книгу, у правой стѣны на 3-ей полкѣ снизу во 2-мъ ряду (всегда точное указаніе)“. Если же книги нѣтъ у него, то были у него вымышленные ключи отъ всей Никольской; и тогда скажетъ мальчику: „возьми ключи отъ палатки и принеси книгу“. Мальчикъ и сынъ бѣгаютъ по всѣмъ книгопродавцамъ, съ ногъ собьются—достанутъ требуемую книгу, а покупатель все сидитъ, иногда по нѣсколько часовъ, въ зимнее время чуть не замерзнетъ, но дождется... Вотъ тутъ-то и раздастся крикъ Ивана Григорьевича: это—онъ пробираетъ своихъ посланныхъ, что „пошлешь и ничего найти не сумѣютъ, пропадутъ, а покупатель жди!..“ Однимъ словомъ Кольчугинъ такъ разгорячится, что покупателю уже станетъ неловко и онъ самъ пытается усовѣщевать Ивана Григорьевича, что онъ такъ кипятится... Но книга найдена и продана: это его побѣда!

Былъ такой случай. У Ивана Григорьевича около прилавка лежали очень небрежно томы Сочиненій А. С. Пушкина, которыя въ то время цѣнились очень дорого. Какой-то молодой человѣкъ стащилъ у него эту драгоцѣнность. Кольчугинъ всполошился, заставилъ стрѣлковъ во что бы то ни стало разыскать пропажу. Эти — какъ гончія собаки стали по-всюду искать и нашли-таки. Оказались книги у Д. И. Прѣснова, но этого для Кольчугина еще мало: надо знать, кто продалъ, какъ одѣтъ, какова его внѣшность, физіономія и т. д. Все въ порядкѣ передано Ивану Григорьевичу и книги ему доставлены, деньги заплачены Прѣснову. Только разъ приходитъ невзначай похитившій ихъ — господинъ очень прилично одѣтый. Какъ началъ Кольчугинъ его ругать всячески; любимая его приговорка была: „чтобъ ему на томъ свѣту, провалиться на мосту“. Это стихъ изъ „Конька-Горбунка“, соч. П. Ершова. (См. 17 изд. Спб.

---

[1]) И. Г. Кольчугинъ былъ не на дурномъ счету у Закревскаго.

1898, стран. 24). Послѣ этой отчитки господинъ этотъ къ нему ни ногой!..

Иванъ Григорьевичъ казался человѣкомъ развитымъ, но отличался нѣкоторыми странностями: онъ былъ чудакъ — себѣ на умѣ, мудрый философъ и Фигаро — когда нужно, обладалъ рѣдкой памятью; зналъ хорошо *библіографію*, но не зналъ, сколько ему лѣтъ отъ роду: годъ тому назадъ онъ увѣрялъ, что ему 59-ть, и потомъ нѣсколько спустя, доказывалъ, что 54. Старожилы, его знавшіе, насчитывали ему и всѣ 70-ть. Онъ обладалъ способностью не стариться — на его натуру десятки лѣтъ не дѣйствовали: всегда въ духѣ, —веселъ и любезенъ при покупателяхъ; таковъ ли онъ былъ въ семейной жизни—мы не знаемъ. Но въ Москвѣ рѣдко кто его не зналъ; въ его лавкѣ былъ резервуаръ всѣхъ книгъ, въ разныхъ видахъ; случалось такъ, что одно и тоже сочиненіе у него имѣло три и пять цѣнъ, смотря потому, насколько уцѣлѣла книга.

Торговалъ И. Г. Кольчугинъ болѣе всего *учебными книгами* и только разъ въ 1846 году покусился издать на свой счетъ, повидимому, произведеніе своего же пера и безпритязательнаго балагурства — брошюрку шутливаго содержанія въ простонародномъ духѣ подъ заглавіемъ: *„Турусы на колесахъ“*, но появленіе въ свѣтъ означеннаго невиннаго творенія причинило, безъ сомнѣнія, не мало непріятностей ея издателю, а, можетъ быть, и создателю!...

Въ виду того, что брошюра эта представляетъ чрезвычайную библіографическую рѣдкость, позволимъ себѣ представить читателю *снимокъ* съ заглавнаго ея листа и познакомить его поближе съ содержаніемъ надѣлавшей въ свое время столько шуму и затѣмъ немедленно изъятой изъ продажи и уничтоженной брошюрки.

Первое извѣстіе (1874 г.) объ упомянутой брошюрѣ подалъ покойной собиратель бѣлорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ *П. В. Шейнъ* въ „Русской Старинѣ“, г. 21, 1890 г. апрѣль, стран. 201; здѣсь онъ далъ маленькую замѣтку о своей находкѣ и перепечаталъ весь текстъ брошюрки съ пропускомъ немногихъ мѣстъ, такъ какъ въ его экземплярѣ оказалось нѣсколько вырванныхъ кусочковъ съ текстомъ (см. стран. 202—4). Онъ указываетъ что на его экземплярѣ (на обложкѣ) было припечатано: „Продается въ Москвѣ въ книжной лавкѣ И. Г. Кольчугина. На Никольской улицѣ Цѣна 20 коп. серебромъ“. Экземпляръ, которымъ мы пользуемся (И. П. Б. 18. 232. 3. 190)—въ крашеной бумажкѣ розоваго цвѣта, но нигдѣ этой фирмы мы не нашли на немъ. Можетъ быть, эта бумажка приклеена потомъ, а старой обложки — не сохранилось.

Настоящая брошюрка очень малаго формата въ 12° или даже 16°. (11 + 15 см.); въ началѣ шмуцтитулъ, заглавный листъ (см. его на снимкѣ), на оборотѣ: „Печатать позволяется... Москва. 20 Декабря 1845 года. Цензоръ *Николай Зерновъ*»; далѣе идетъ текстъ на стран. 5 — 24. На всѣхъ листахъ, не исключая и за-

главныхъ—сдѣлапа наборная рамка. Форма изложенія текста брошюры напоминаетъ причитанія раешника или балаганнаго дѣда, пересыпанныя поговорками, прибаутками и проч. Какъ бы эпиграфомъ выбрано одно мѣсто текста на стран. 7-ой: „Вались народъ — Отъ Лузскихъ воротъ!“.

Эта книжечка — говоритъ П. В. Шейнъ появилась въ 1846 г., въ Москвѣ, на Никольской, *въ лавкѣ Кольчугина и у букинистовъ*, и продавалась по 20 коп., но черезъ недѣлю за нее вдругъ стали платить по синенькой и даже красненькой, т. е. по 5 и 10-ти р. ассигнаціями, только потому, что, неизвѣстно по какой причинѣ, ее запретили и полиція ее отобрала у всѣхъ книгопродавцевъ. — Молва тотчасъ растолковала себѣ это дѣло по-своему, что тутъ-де изображены московскіе Оберъ-полицеймейстеръ (Левъ Цынскій, названный въ брошюрѣ: «Лёвушка, забубённая головушка»), сыщикъ Скаретко и Городской голова.

Робкіе попытки выставлять на публичное осмѣяніе бездѣйствіе или злоупотребленіе властью общественныхъ или административныхъ дѣятелей не новость въ нашей литературѣ. Онѣ начались еще въ царствованіе И. Николая Павловича, но были каждый разъ устраняемы, какъ только стали замѣчать, что публика читаетъ ихъ съ особенною жадностію и упорно приписываетъ изображенныя въ нихъ качества и дѣйствія лицамъ, поставленнымъ во главѣ какой-либо отрасли правленія. Книга или журналъ, гдѣ напечатано было что-нибудь подобное, тотчасъ запрещались и отбирались полиціей. Чувствительнѣе всего приходилось при этомъ платиться непроницательному цензору. Что въ тогдашней обличительной гласности и не было тѣни того, что мы теперь привыкли называть этимъ именемъ, между прочимъ, можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ упомянутая книжечка.

Вскорѣ, обстоятельства дѣла, т. е. намеки брошюрки на современныя злобы дня нашли объясненія въ замѣткѣ *А. П. Станкевича*, помѣщенной въ томъ же журналѣ „Русская Старина“, 1890 г., іюнь, стран. 576. Авторъ замѣтки, указавъ на П. В. Шейна, который въ своей вводной статейкѣ неудомѣвалъ, почему запретили эту брошюру и полиція ее отбирала у всѣхъ книгопродавцевъ, привелъ въ объясненіе выписку изъ книги: „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“. (Спб. 1862, 8° стр. 66—7), въ которой сказано: „Въ 1864 г. гр. Орловъ (А. Ѳ., шефъ жандармовъ, начальникъ III-го Отдѣленія Собств. Его И. Величества Канцеляріи) писалъ министру Нар. Просвѣщенія: получено мною свѣдѣніе, что напечатанная въ недавнее время въ Москвѣ брошюрка, подъ названіемъ: „Турусы на колесахъ“, принадлежа къ народнымъ разсказамъ, признана въ публикѣ явнымъ пасквилемъ, ибо объясняютъ, что напечатанное на стр. 15-ой: „Пришла правда отъ Воскресенья въ Кадашахъ“, означаетъ домъ бывшаго городскаго головы Шестова; на той же страницѣ слова: „а то всякій Иванъ смотритъ только въ свой карманъ“ — относятъ, какъ намекъ, на московскаго оберъ-полицеймейстера. (Въ Адресъ-календарѣ на 1846 г. исправляющимъ эту должность показанъ *И. Д. Лужинъ*, а полицеймейстеромъ *Л. Н. Верещагинъ*—говоритъ г. Станкевичъ, но дѣло идетъ о только-что уволенномъ тогда Оберъ-Полицеймейстерѣ Цынскомъ, какъ указано выше), тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ идетъ рѣчь о «Левушкѣ, забубённой

Иванъ Григорьевичъ Кольчугинъ.

Съ фотографіи изъ собранія А. А. Астапова.

головушкѣ, который махнулъ отъ сѣвера на югъ», въ чемъ видятъ ясно намѣреніе злословить генерала (Цынскаго) уѣхавшаго на югъ, въ Херсонскую губернію. Далѣе изъ словъ «кто съ темной ночи оброкъ бралъ» — выводятъ общія мысли о брантъ-маіорахъ, а подъ выраженіемъ: «записнаго плута оправдалъ»—разумѣютъ дѣло Купца Сомова, произведенное бывшимъ полицеймейстеромъ».

А вотъ еще одна коммерческая уловка. „Еще когда Иванъ Григорьевичъ продавалъ учебныя книги, то одно время Историческая Грамматика русскаго языка *Ѳ. И. Буслаева*, изданная въ 1858 г. (въ 2-хъ частяхъ: Этимологія и Синтаксисъ) была библіографическою рѣдкостью и цѣною доходила до 10 рублей за экземпляръ. Учебникъ введенъ въ разныя школы, а книги нѣтъ. Вотъ и случилось Кольчугину пріобрѣсть какъ-то неполный экземпляръ, и что-же, какую онъ изъ этого устроилъ продѣлку?.. Кому нужно полный курсъ, т. е. подборъ всѣхъ выпусковъ изданныхъ въ концѣ 1850-ыхъ—въ началѣ 1860-ыхъ гг. ,,Учебныхъ Руководствъ для Военно-Учебныхъ Заведеній", комплектъ по разнымъ наукамъ: словесности, математикѣ и т. д., то эту книгу онъ продаетъ за полную и цѣною за 5 рублей, такъ что въ лавку дороже дадутъ, а отдѣльно эту книгу не продастъ ни за что (самъ Иванъ Григорьевичъ платилъ по 5-ти и 8-ми рублей). Только принесутъ этотъ курсъ домой: покажется, что Грамматика не полная, приходятъ, указываютъ. „Ахъ! извините, меня самого обманули, получите деньги обратно..." А курсъ все-таки сошелъ и деньги получены. Черезъ нѣсколько времени опять Грамматика эта пошла въ ходъ и таже исторія: Иванъ Григорьевичъ извиняется... — Ее онъ называлъ „кормилицей".—А эта книга, можетъ быть, оставлена была потому, что по пословицѣ: на безрыбьи и ракъ рыба—вотъ причина, или и свой экземпляръ былъ не полный, потому и оставлена..., или не дошли до той страницы, коей не-достаетъ и т. п. Случалось, что эта Грамматика десятки разъ возвращается Кольчугину съ указаніемъ, что не полная, а онъ всякому покупателю жалуется, что мошенники, его надули, чтобы имъ ,,на томъ свѣту провалиться на мосту!.." Это говоритъ онъ каждому покупателю и тутъ же книгу эту продаетъ уже другому. Но бѣда его, когда ее не приносятъ назадъ, книга осталась у покупателя, а онъ уже успѣлъ наобѣщать нѣсколькимъ покупателямъ, что ему хотѣли принести ее..."

Смотрѣть на этого „артиста" книжнаго дѣла приходили съ удовольствіемъ. Самъ *Н. В. Гоголь*,—по словамъ г. Ас-

тапова,—будто-бы просиживалъ у Кольчугина въ лавкѣ по нѣсколько часовъ. [1]) А онъ ко всѣмъ обращался съ поклонами, съ почтеніемъ... „Бояра“ его любили, пріѣзжали покупать Лѣчебники для собакъ, книги по птицеводству и сельскому хозяйству... [2]) Цѣны же съ нихъ Кольчугинъ деретъ безъ милосердія... Прямо сказать, человѣкъ волшебствомъ какимъ-то обладаетъ, обворожитъ покупателя словами. Рѣчь его уснащенная словцами, да прибаутками такъ и льётся...

Вотъ примѣры оригинальныхъ объясненій Ивана Григорьевича и его балагурства съ своими покупателями:

а) Какой-то гимназистъ спрашивалъ у него учебникъ, кажется Географію Ободовскаго. Кольчугинъ подаетъ ему. Осмотрѣвъ книгу, гимназистъ и замѣчаетъ книжнику, что въ книгѣ нѣтъ конца. — „До конца-то никогда не доучиваютъ,“ наставительно возражаетъ продавецъ.

б) Въ другой разъ, тоже, кто-то изъ учащихся, спросивъ грамматику Греча или Востокова, объясняетъ Кольчугину, что онъ далъ ему слишкомъ старое изданіе.—„А ты выучи прежде старое“, авторитетно убѣждаетъ его Иванъ Григорьевичъ.

в) Иванъ Григорьевичъ продаетъ Святцы. Покупатель и спроси его: „А что, дядя, это будутъ Святцы-то полные?“— „Да, да“,—отвѣчаетъ Кольчугинъ, — „самые полные, даже слишкомъ: но только ни одного грѣшнаго нѣтъ!..“

Н. В. Гоголь, вѣроятно съ чьихъ-нибудь словъ, такъ же отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ два „*выраженія*“ Кольчугина:

1) Журналъ долго не выходитъ.—„Эти журналисты съ своими книгами, какъ дѣвушка съ платоническою любовью: „люблю, люблю“; а все ничего нѣтъ“.

---

[1]) *П. А. Ефремовъ* сообщилъ мнѣ, что и сидѣть-то было не-начѣмъ и И. Г. Кольчугинъ никогда и не вспоминалъ о Гоголѣ. Кольчугинъ разсказывалъ объ *Аксаковыхъ* и Бѣлинскомъ, объ Гоголѣ же онъ, навѣрное бы, не утерпѣлъ что-нибудь выложить. Да даже и изданій Гоголя у него нельзя было достать. Вышли «Мертвыя Души», въ желтой обложкѣ, продавались по 10 руб. ассигнаціями... П. А. купилъ эту *новую* книгу не у Кольчугина, а у Базунова.

[2]) Въ то время цѣнились очень дорого: *I. Фр. Зоберигейма* «Частная фармакологія, или наука о лекарствахъ для академическаго и *практическаго* употребленія». Перев. съ нѣмецкаго М. Вейнберга. 2 части. М. 1841—4 гг.;—Изданный Парфеніемъ *Енгалычевымъ*: «О продолженіи человѣческой жизни, или Домашній Лѣчебникъ», въ 6-ти частяхъ. 5 изд. М. 1833 г.; — Ботаника *Ив. Двигубскаго* и т. под.

2) „Я просила Катихизисъ за 1842-й, а Вы дали за 1830-й“...—„Да вѣдь это все равно, сударыня: катихизисъ такого рода вещь, что тутъ воображеніемъ не разыграешь, хоть самъ Филаретъ“... (См. Царь-Колоколъ, библіотека для чтенія, за 1892 г. № 3, стр. 91).— Ср. въ „*Сочиненіяхъ Н. В. Гоголя*“, изд. 10-е подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Шенрока.* Т. VI. Спб. 1896 г.: „*Изъ записной книжки 1842 года*“ (стран. 520; прим. на стран. 824, прим. 7-ое, „*Выраженіе Кольчугина*“).

Способы И. Г. К—а отваживать покупателей.

Любившій всегда побалагурить съ покупателемъ Иванъ Григорьевичъ, тѣмъ не менѣе скучалъ иногда посѣтителями, которые ходили безъ дѣла и смотрѣли ему, такъ сказать, въ ротъ...

Вотъ какъ онъ ихъ пытался отваживать:

1) Вдругъ достанетъ съ полки какой-нибудь долго лежавшій на одномъ мѣстѣ фоліантъ, да какъ встряхнетъ его, такъ что пыль чуть ли не на всю лавку поднимется, да еще онъ угодитъ такому господину пыль пустить подъ самый носъ, что начихается здорово!..

2) Въ зимнее время, морозы трескучіе, до 40 градусовъ доходили, лавка же у Кольчугина въ два раствора и обѣ двери настежь и зиму и лѣто, значитъ въ лавкѣ также тепло, что и на улицѣ..., а Иванъ Григорьевичъ вдругъ скажетъ докучному посѣтителю: „Посидите, пожалуйста, я сейчасъ самъ схожу въ палатку за книгой“,—и отправится въ Московскій трактиръ обѣдать, а этотъ покупатель все сидитъ—дожидается, да какъ намерзнется и скажетъ мальчику: „Нѣтъ, уже я озябъ, я лучше въ другой разъ зайду“!... Да такія продѣлки не разъ выкипетъ и отучитъ покупателя слушать его балагурство.

3) А то еще повадился къ нему ходить одинъ Генералъ и надоѣлъ ему. Съ этимъ Иванъ Григорьевичъ уже и самъ не зналъ, какъ поступить, а тоже и дѣла по-горло, а тотъ какъ бѣльмо на глазу. Крѣпился—крѣпился старикъ, да и надумалъ. Стрѣлокъ приноситъ книги, замѣтилъ Генерала и по обычаю долженъ дожидаться, когда освободится Иванъ Григорьевичъ; стрѣлокъ въ ожиданіи, переминается съ ноги на ногу, вертится тутъ же около лавки снаружи... Увидалъ его Кольчугинъ, и ну кричать на него: „на—право“! — Стрѣлокъ на-право. Кричитъ: „на—лѣво“!—стрѣлокъ на-лѣво.

И такъ десятки разъ повторялась подобная команда. Наконецъ подзываетъ стрѣлка къ себѣ въ лавку и начинаетъ его бранить на всѣ лады: „вы мнѣ тутъ мѣшаете,... вертишься, какъ бѣльмо на глазу, а у меня дѣла по-горло“! Выхватилъ изъ рукъ оторопѣвшаго стрѣлка книги, да подъ прилавокъ, а ему крикнулъ: „Ступай вонъ“!.. — Генералъ посмотрѣлъ на хозяина, да въ простотѣ сердечной и говоритъ ему: „Прощайте, Иванъ Григорьевичъ; какъ видится, Вы очень разстроены,“... и уходитъ. — Къ вечеру нерѣшительно приходитъ стрѣлокъ, отъ котораго Кольчугинъ отнялъ книги; послѣдній манитъ его къ себѣ и отдаетъ ему деньги за книги. Тотъ спрашиваетъ Ивана Григорьевича: „за что Вы меня изругали“? — „Э!.. Это не тебя, а вотъ того Генерала: каждый разъ все приходитъ, сидитъ, а тутъ дѣло есть“!..

Кольчугинъ заставляетъ покупателя самого искать книгу.

„Ходилъ къ И. Г. Кольчугину какой-то генералъ за книгой, которая ему была нужна,—уже не разъ. Какъ водится, ему Иванъ Григорьичъ обѣщалъ, что есть у него эта книга; свѣдалъ ли онъ о скупости покупателя, или просто хотѣлъ испытать терпѣніе Генерала, только надо сказать, что въ любви къ книгѣ нѣтъ закона... Повидимому, Генералу надоѣло, наконецъ, ходить за книгой и онъ спросилъ Кольчугина: „Когда же Вы приготовите мнѣ эту книгу?“—и при этомъ спросилъ, гдѣ же лежитъ у того книга и даже вызвался, самъ поискать ее въ лавкѣ. Кольчугинъ указалъ ему на громадную пачку книгъ, Генералъ и ну разбирать эти книги, а нужная-то ему книга оказалась въ самомъ низу пачки. „Ну, вотъ она, сколько стоитъ?“ — Купилъ, деньги выложилъ, да еще свой трудъ присоединилъ, и его же благодаритъ. За ту же цѣну, пришлось покопаться, да и пыли не оберешься“. „Это уже одно слово любовь, да и только: въ наше время мальчика даже не заставишь такъ работать...“,—заключаетъ свой разсказъ А. А. Астаповъ.

Дружба—дружбой, а дѣло—дѣломъ.

Въ компаніи И. Г. Кольчугина были извѣстные писчебумажные торговцы, какъ-то: Дмитрій Дмитріевичъ *Кочетковъ*, Петръ Васильевичъ *Брюховъ*, Николай Петровичъ *Меньшевъ* и Александръ Никифоровичъ *Канышевъ*. Это

были задушевные его друзья и, какъ видится, все замоскворѣцкіе жители. У А. Н. Канышева въ то время (1850 гг.) былъ замѣчательный подборъ бумаги и предметовъ для украшенія кондитерскихъ коробокъ. Эти-то два друга, и торговали одинъ напротивъ другого по Никольской улицѣ—одинъ книгами, а другой бумажными прихотями. О Дм. Дм. Кочетковѣ надо сказать это патріархъ своего времени, добрѣйшей души человѣкъ, кто бы ни пришелъ къ нему въ лавку, поведетъ въ трактиръ, однимъ словомъ былъ хлѣбосолъ...— Вотъ однажды, когда А. Н. Канышеву понадобилась какая-то книга, то посылаетъ онъ своего мальчика, (которому Кольчугинъ потомъ зубы лѣчилъ,)—къ послѣднему съ запиской. Иванъ Григорьевичъ взялъ записку, чтобы прочесть, только, хвать, очковъ никакъ не найдетъ... Туда, сюда, нѣтъ очковъ, да и очки у него были не нашего времени, а довольно солидныя, крупная серебрянная оправа чуть не въ полъ-фунта вѣсомъ будетъ; благодаря небрежности книжной въ лавкѣ завалились очки куда-то... Кольчугинъ даетъ записку приказчику; „книга есть, вонъ на правой полкѣ"... И пошла перекличка: „правѣй, лѣвѣй!.." „Ну, вотъ она, давай сюда!" Судя по книгѣ, если ее оцѣнить въ 20 коп. то болѣе и не стоитъ. Кольчугинъ же даетъ мальчику книгу и говоритъ: „на, вотъ, цѣна 2 рубля". Мальчикъ приноситъ хозяину книгу. Послѣдній спрашиваетъ его: „сколько за нее." — „Два рубля".—„Неси ему назадъ", вспылилъ хозяинъ. Вотъ-те дружба настоящая. Иванъ Григорьевичъ книгу взялъ, сунулъ къ себѣ за-пазуху и отправляется въ извѣстное время въ трактиръ. Канышевъ ему и говоритъ: „ты что же это за книгу заломилъ два рубля?"—„Да вотъ книга у меня за пазухой, только меньше трехъ рублей не возьму я съ тебя, по совѣсти сказалъ, а ты капризничаешь, не берешь..." Что же, нашла коса на камень, пришлось ему заплатить Кольчугину всѣ три рубля. Вотъ жили въ то время, дружбы своей на рубли не мѣняли, а оба были знатоки, только каждый по своей части.

Выгодная сдѣлка.

Какъ ни былъ догадливъ И. Г. Кольчугинъ, но и его обдували, иногда очень ловко. Былъ въ Москвѣ книгопродавецъ *Калатилинъ*, торговалъ онъ тоже на Никольской улицѣ. Говоря словами разсказчика, шельма былъ преестествен-

пая. У него, напримѣръ была публикація: показывается женихъ прекрасной наружности, и говорятъ много народу по глупости ходило къ нему посмотрѣть по публикаціи. Онъ очень любезно обращался съ дамами, а глядишь, онѣ что-нибудь и купятъ... То вотъ случилось Калатилину скупить какую-то книгу, что-то вродѣ учебнаго руководства. Книга не идетъ ни по чемъ, вполнѣ макулатурой оказалась. Только онъ отыскалъ одного господина и даетъ ему 50 рублей и пишетъ ему реестръ чуть не на 1000 руб., причемъ включаетъ въ требованіе своего учебника 500 экземпляровъ и посылаетъ этого господина къ Кольчугину, чтобы онъ сдѣлалъ этотъ заказъ послѣднему и какъ можно скорѣй его исполнилъ, причемъ даётъ ему 50 руб. задатку... Иванъ Григорьевичъ согласился принять заказъ и условія. Приходитъ онъ къ Калатилину, торгуетъ книгу, только тотъ ему не продаетъ и говоритъ: „она у меня очень хорошо идетъ: а если хочешь, то купи все изданіе, куда мнѣ съ ней возиться!" Какъ ни вертѣлся Кольчугинъ, но купилъ у него всю книгу, а покупатель по реестру такъ и не приходилъ даже и за задаткомъ. — Только много уже времени спустя Калатилинъ сидитъ какъ-то съ этимъ господиномъ въ трактирѣ, чай пьетъ и обѣдаетъ, вдругъ приходитъ туда же Иванъ Григорьевичъ; увидалъ его Калатилинъ и спрятался подъ столъ, и просидѣлъ тамъ, а Кольчугинъ прошелъ, такъ и не обратилъ на нихъ вниманія, зная что попалъ.

— Кстати разскажемъ еще объ одномъ смѣхотворномъ хотя и неожиданномъ для самаго И. Г. Кольчугина, случаѣ въ его лавкѣ. Неподалеку отъ него, гдѣ теперь помѣщается Городская Дума, — здѣсь былъ пріемъ въ Крымскую кампанію въ военную службу изъ крестьянъ Московскаго уѣзда. Призываемые раздѣвались для осмотра. Если призываемый былъ годенъ для военной службы, то кричали: „лобъ", а если не годился, то — „затылокъ", и брили послѣдній. Одинъ изъ числа забракованныхъ для службы, какъ былъ въ одной рубашкѣ, такъ и кинулся бѣжать изъ Присутствія куда глаза глядятъ кругомъ Иверской часовни, а родные ему кричатъ: „Иванъ постой, Иванъ постой!.." А онъ ничего знать не хочетъ, — мимо Казанскаго собора, да прямо въ лавку къ Ивану Григорьевичу вбѣжалъ. Тутъ были какія-то барышни въ это время. Кольчугинъ такъ и ахнулъ: „Ахъ, сударыни! уйдите, пожалуйста, чтой-то онъ хочетъ дѣлать, неудобно-сказать!..."

Жулики вытащили бумажникъ.

Однажды бѣжитъ Иванъ Григорьевичъ куда-то изъ трактира, торопится; жулики и воспользовались, встрѣтили его толпой и вытащили у него бумажникъ. Онъ былъ въ восхищеніи отъ ихъ ловкости и искусства; разсказываетъ объ этомъ случаѣ въ своей кампаніи: „ахъ, мошенники, что же они сдѣлали, меня же будутъ ругать, что тамъ, въ бумажникѣ кромѣ моихъ записокъ ничего нѣтъ; да досадно, вѣдь мою руку они не разберутъ...“ И восхищается продѣлкой жуликовъ.

Картузъ назадъ.

„Какъ-то было по случаю ли Царскаго пріѣзда въ Москву или по какой другой причинѣ—полицейскіе загородили улицу, что ни пройти, ни проѣхать нельзя. Это было еще въ Николаевское время. И. Г. Кольчугинъ, какъ человѣкъ торопливый и перебѣгаетъ улицу. Это вѣроятно было на Воскресенской площади мимо часовни Иверской Божіей Матери—онъ и перебѣгалъ въ „Московскій“ трактиръ или изъ трактира торопился къ себѣ въ лавку. Вотъ квартальный и кричитъ ему въ слѣдъ: „Эй! картузъ назадъ! картузъ назадъ!..“ Иванъ Григорьевичъ оборачиваетъ свой картузъ козырькомъ назадъ и все-таки перебѣгаетъ черезъ дорогу, не обращая вниманія на окрикъ квартальнаго. Только неизвѣстно, за эту ли шутку или за что другое Кольчугина вызываютъ къ губернатору графу Закревскому... И что же, Иванъ Григорьевичъ облачается въ особый костюмъ: надѣваетъ фракъ съ ясными пуговицами, бѣлыя перчатки. Однимъ словомъ тотъ костюмъ въ которомъ вѣнчался, и вы поймете, хорошъ женишокъ явился къ губернатору, во всей славѣ, но вѣроятно, въ „словесности“ недостатка не было“...

Обращеніе И. Г. Кольчугина со своими служащими и съ чужими.

Относительно обращенія съ служащими можно вспомнить, что своихъ *мальчиковъ*, находившихся у него въ „ученьи“, онъ имѣлъ обыкновеніе называть особыми именами, вродѣ: „мизантропъ“, „филантропъ“, „амфибія“, „неописанная мелкота“, „мущина“ и проч. „Не-могу-знаекъ“, какъ и Суворовъ, онъ терпѣть не могъ: дастъ мальчику адресъ покупателя отнести книги и проч., мальчикъ бьется-бьется, не мо-

жетъ разобрать его почерка, ищетъ по Москвѣ чуть не цѣлый день, и это въ счетъ мальчику не ставилось: учись достигать цѣли!..

Но такъ сурово, на нашъ теперешній взглядъ, Кольчугинъ позволялъ себѣ обращаться не только со своими служащими, но и съ посторонними совершенно ему людьми изъ круга книжниковъ.

Почтенный Алексѣй Дмитричъ *Ступинъ*, извѣстный нынѣ въ Москвѣ и далеко по провинціи издатель и книгопродавецъ, такъ же подѣлился съ нами своими воспоминаніями о дѣятеляхъ книжнаго міра въ старое время, за что и приносимъ ему нашу глубокую признательность за его вниманіе къ цѣли нашего труда.

Его какъ-то, когда онъ служилъ еще мальчикомъ у московскаго книгопродавца А. В. Логинова, послалъ хозяинъ или старшій братъ за получкой денегъ за книги къ Кольчугину, а послѣдній не очень-то былъ расположенъ скоро уплачивать долги. Какъ мальчикъ, еще не постигшій всей премудрости, вѣроятно, придя въ лавку къ послѣднему прямо и сказалъ во всеуслышаніе о порученіи получить деньги по счету. Иванъ Григорьевичъ необычно деликатно позвалъ А. Д. Ступина къ прилавку, взялъ неожиданно для послѣдняго за ухо или за волосы и покрутилъ ихъ изъ стороны въ сторону. „Пошелъ вонъ, послѣ придешь!“ закричалъ онъ на оторопѣвшаго малолѣтка. Впрочемъ такая школа въ то время ни во что не считалась. И вотъ, когда нужно было мальчика послать къ Кольчугину за такимъ же дѣломъ въ другой разъ, онъ нейдетъ. Спрашиваютъ: „почему?“—„Да, онъ дерется!“

Цѣлебный кушакъ.

Еще упомяну объ одномъ случаѣ нѣкотораго сходства Ивана Григорьевича съ знаменитымъ Московскимъ „студентомъ холодныхъ водъ“ Курейшею. Кольчугина любили, заслушивались его прибаутокъ, вѣрили его чудачеству, и даже до того доходило, что онъ въ лавкѣ же лѣчилъ отъ болѣзней.

Лѣчилъ онъ также отъ зубной боли приходящихъ больныхъ, только мы не имѣемъ свѣдѣній, „заговорами“ ли онъ пользовалъ ихъ, или собственно какимъ средствомъ?

У себя въ лавкѣ Кольчугинъ имѣлъ всегда разныя снадобья вродѣ муравьинаго спирту, какой-то водицы и т. под. Вотъ одинъ изъ примѣровъ его счастливой практики.

ТУРУСЫ

НА

КОЛЕСАХЪ.

МОСКВА.

въ Типографіи А. Евреинова.

1846.

Снимокъ съ заглавнаго листа изданной Ив. Григ. Кольчугинымъ брошюрки.

Приходитъ къ Ивану Григорьевичу мальчикъ, -въ настоящее время извѣстный коммерсантъ по конторскимъ и типографскимъ дѣламъ Николай Ивановичъ *Свиридовъ*, въ то время жившій у Александра Никифоровича Капышева... Вотъ въ одно время разболѣлись у него зубы, хозяинъ его и послалъ къ Ивану Григорьевичу. «Поди», говоритъ, «сходи къ Кольчугину: онъ тебя вылѣчитъ!». Съ мучительною болью приходитъ мальчикъ къ Ивану Григорьевичу, и объясняетъ ему въ чемъ дѣло. Послѣдній принялъ въ немъ безвозмездное участіе, досталъ какой-то пузырекъ и заметался по лавкѣ, ища, вѣроятно, ваты. Но ея, какъ видится, не оказалось; нисколько не раздумывая, онъ обратилъ взглядъ на свой кушакъ, взялъ ножницы, отрѣзалъ бахромы отъ кушака, помочилъ изъ пузырька и прямо запустилъ на больной зубъ. У паціента, какъ онъ потомъ разсказывалъ, искры посыпались изъ глазъ, а Кольчугинъ его успокаиваетъ: «ничего», говоритъ, «держи!..» Пошла у мальчика пѣна изъ рта... Потомъ еще спросилъ: «ну какъ, лучше стало?»—Я говорю: «еще больно...» то опять кушакъ пошелъ въ дѣло, еще Кольчугинъ отрѣзалъ бахромы и намочилъ. Какъ видно здѣсь не разсчитывали на аптекарскіе драхмы и скрупулы, а сколько войдетъ въ ротъ, то вновь пришлось испытать вліяніе его лѣкарства до той минуты, покуда успокоилось больное мѣсто...—«Ну теперь иди съ Богомъ», сказалъ Кольчугинъ. «И по сіе время», говоритъ разсказчикъ, «я не имѣю зубной болѣзни».

Были у Кольчугина и совсѣмъ странныя причуды: сидитъ въ трактирѣ въ кампаніи, нальетъ себѣ рюмку водки передъ обѣдомъ, и когда случится отойти отъ стола, то предварительно поплюетъ въ рюмку. Это все для того, чтобы его рюмку водки кто-либо по ошибкѣ не выпилъ, принявъ за свою. Надо думать, что и какая-нибудь примѣта имѣлась у него на этотъ счетъ.

Умеръ Иванъ Григорьевичъ 11 октября 1862 года; послѣ него остались вдова Марья Ивановна, сынъ Ив. Ивановичъ и дочь. Вдова пристроилась въ купеческой Богадѣльнѣ.

Въ издававшейся въ Москвѣ политической и литературной газетѣ «Наше Время», отъ 18 октября 1862 г.

ч. I, № 224, стран. 895, среди «Московскихъ вѣстей» — читаемъ:

— «Въ воскресенье, 14-го октября, были похороны извѣстнаго московскаго книгопродавца Ивана Григорьевича Кольчугина, умершаго отъ изнурительной лихорадки и рака въ печени». (Тоже было перепечатано въ «Моск. Вѣдомостяхъ» за 1862 г., № 228, стран. 1824, со ссылкою на «*П. В.*»).

Прахъ И. Г. Кольчугина покоится на Даниловскомъ кладбищѣ, на его памятникѣ, лежачемъ изъ дикаго мрамора отмѣчено: «Родился 8 іюля 1801 г. † 11 октября 1862 г. Скончался 62 лѣтъ».

IV. Иванъ Ивановичъ Кольчугинъ.
(† 1895).

Послѣ Ивана Григорьевича—книжная его торговля перешла къ его сыну *Ивану Ивановичу. Г. Т.* (? Н. С. Тихонравовъ) въ некрологѣ его отца, (помѣщенномъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ», г. 3 й, 1862 г. 31 октября № 20, стран. 413) пишетъ: «Послѣ смерти Ивана Григорьевича остался взрослый сынъ, Иванъ Ивановичъ, который какъ замѣтно, съ ловкостью подражаетъ отцу въ извѣстныхъ случаяхъ и, надо полагать, явитъ себя достойнымъ преемникомъ отца!»—Но этому предсказанію не пришлось оправдаться: торговое дѣло, хотя и на томъ же наслѣдственномъ насиженномъ мѣстѣ—продолжалось не долго и имѣло плачевный исходъ.

Вскорѣ послѣ кончины своего родителя, Иванъ Ивановичъ, потерявшій почти все нажитое отцомъ и не любившій возиться въ пыли и разыскивать поминутно книги на чердакѣ—въ такъ называемой «палаткѣ», — забросилъ торговлю старыми книгами, составившими славу его отца, и перешелъ постепенно на торговлю *новыми* издѣліями каждаго рынка.

И. И. Кольчугинъ сдѣлалъ даже попытку заняться *издательствомъ.* Памятникомъ отъ этого рода его дѣятельности осталась книга: «*Органическая Химія* или Химія углеродныхъ соединеній»— Профессора *Кекуле.* I-й выпускъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе *Ивана Кольчугина.* Москва. Въ Университетской Типографіи

(Каткова и К°). 1863. 8°. (На оборотѣ: Дозв. Цензурою. Москва. Января 30 дня 1863 г.). — Стран. 3—118+II (оглавл.)—Вышелъ еще 2-ой выпускъ того же изданія:—М. 1864. На оборотѣ обложки (загл. листа нѣтъ): Дозв. Цензурою 12 Октября 1864 г. — Типографія С. Орлова. (Стран. 119—352. На задней сторонѣ обложки значится цѣна: «Рубль»).

Ив. Ив. состоялъ въ большой дружбѣ съ братьями Салаевыми и въ особенности съ Ѳедоромъ Ивановичемъ, которая его серьезно поддерживала; со смертью Ѳ. И. Салаева и торговля И. И. Кольчугина замѣтно сократилась.

Старыя книги оставались въ забвеніи въ палаткѣ и спустя уже много времени купилъ эти книги книгопродавецъ Платонъ Львовичъ *Байковъ* (о немъ будетъ рѣчь, и не однажды, въ своемъ мѣстѣ): пришлось при выборкѣ книгъ съ чердака очищать ихъ отъ грязи; чуть-ли не полъ-аршина голубинаго помету накопилось на книгахъ, многія сгнили и оказались уже попорченными. За все было заплачено не болѣе двухсотъ рублей.

Въ 1884 году, когда Иванъ Ивановичъ окончилъ самостоятельную свою торговлю, то весь магазинъ купилъ съ аукціона за 850 рублей *А. А. Астаповъ*. Лавка съ обстановкою и товаромъ пошла въ продажу для покрытія долга Кольчугина причту Казанскаго Собора, въ домѣ коего онъ снималъ помѣщеніе.

Въ послѣднее время И. И. Кольчугинъ служилъ приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ у *И. Д. Сытина* въ Москвѣ; скончался въ числахъ января мѣсяца 1895 г. въ больницѣ, уже въ бѣдности. Отпѣвали на Б. Серпуховской улицѣ въ церкви при домѣ Купеческаго Общества. Похороненъ такъ же, какъ и отецъ, на Даниловскомъ кладбищѣ (къ церкви, по лѣвой сторонѣ [1]).

Съ *Ив. Ив. Кольчугинымъ* угасъ послѣдній представитель хорошо извѣстной Москвичамъ, да Москвичамъ ли только,—въ теченіе почти двухъ столѣтій книгопродавческой фирмы *Кольчугиныхъ*!

П. К. Симони.

---

[1]) См. краткій некрологъ И. И Кольчугина, за подписью *Д. Б.* въ «Книжномъ Вѣстникѣ», г. XII. 1895, № 2, стран. 22. — Приношу искреннюю признательность *Ѳ. А. Витбергу* — за указаніе мнѣ этого некролога.

Труды того же автора:

1. **Опытъ сборника свѣдѣній по Исторіи и Техникѣ Книгопереплетнаго художества на Руси**, преимущественно въ до-Петровское время, *съ XI-го по XVIII-ое столѣтіе* включительно: *Тексты.—Матеріалы.—Снимки.* Собралъ и примѣчаніями снабдилъ Павелъ *Симони.* 1903 г. 8° б. [Номерное «Изданіе» И. Общ. Любит. Древней Письменности и Искусства № CXXII.]. Стран. XIV+307+LXXII таблицы снимковъ съ старинныхъ *переплетовъ:* визант., сербскихъ, болгарскихъ, польскихъ и русскихъ; образцовъ книгопереплетныхъ *«снастей»* (инструментовъ); *украшеній обрѣзовъ* и т. под.—Цѣна *6 рублей.*

— **Рецензіи:** 1) Состоящимъ подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ И. Обществомъ Любит. Древн. Письменности и Искусства въ 1902 году автору упомянутаго труда *была присуждена премія имени А. М. Кожевникова.*— См. «Отчетъ о V-омъ прис. преміи въ 1902 году и «*Отзывъ*» *И. А. Бычкова* и *И. А. Шляпкина*»,—(въ «Отчетахъ» Общ. въ 1901—2 г., въ Памятникахъ 1902 г. № CXLVIII, стран. 30—34);— 2) И. Русскимъ Археологич. Обществомъ въ Спбургѣ 14 мая 1904 г. присуждена *большая серебряная медаль*, на основ. рецензіи *В. Г. Дружинина*;—3) *М.*: въ «Историч. Вѣстникѣ» 1903 г., кн. XI, стр. 673—4;—4) *П. Д. Драгановъ* въ «Извѣстіяхъ» Отдѣл. русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ, т. VIII, 1903 г., кн. 2; стран. 177 и слѣд. отд. отт.: «О македонизмахъ типика письменнаго и переплетнаго искусства по юго-слав. рукописи половины XVII в.» (Спб. 1903 г.), 5) Замѣчанія П. Д. Драганову, сдѣланныя проф. Бѣлградской Великой Школы *А. И. Беличемъ*, тамъ же стран. 414—6 и отд. оттискомъ, 6) проф. *Ст. Льв. Пташицкаго* рецензія въ польскомъ истори. ученомъ журналѣ: «Kwartalnik Historyczny» R. XVIII, zeszyt 3 i 4, we Lwowie, 1904, pp. 539—540.

2) **Изъ книжной старины XVIII-го вѣка.** *I.* («Антикваръ», библіографич. Листокъ, изд. книгопр. Н. В. Соловьевымъ въ Спб. за декабрь 1902 г. № 9, стран. 275—7), со снимкомъ съ старин. переплета *гр. Шуваловыхъ*;—*II.* (о старин. переплетѣ на книгѣ гр. *Б. П. Шереметева* 1773 г);—*III.* (о книжномъ библіотечн. ярлыкѣ *свѣтл. княз. Салтыковыхъ* XVIII в.) съ 2-мя снимками съ переплета и экслибриса. (*Тамъ же*, за Февраль—Мартъ 1903 г. № 11—12, стран. 333—4 и 356).—Отдѣльн. оттисковъ въ продажѣ болѣе *не имѣется.*

3) **Мьстиславово Евангеліе** [памятникъ *Кіевской* письменности] *начала XII-го вѣка въ археологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ.*—Матеріалы для изученія его серебрянаго переплетнаго *оклада* съ древними финифтями, *лицевыхъ иконныхъ*

изображеній Св. Евангелистовъ, *заставицъ, заглавныхъ буквъ* и разныхъ родовъ *письма* какъ украшеннаго, золотого, такъ и всѣхъ почерковъ уставнаго чернаго. Съ приложеніемъ 12-ти свѣтописныхъ таблицъ снимковъ и со многими чертежами въ текстѣ. Собралъ, приготовилъ къ изданію и снабдилъ *вводною статьею* Павелъ *Симони*. Спб. 1904. *Вып. II-ой: Снимки.* in F°. Обл., два титула, 2 непомѣчен. (перечень снимковъ) и таблицы лл. I—XII (форматомъ 44 на 62 см.). Номерное Изданіе II. Общ. Любит. Древн. Письм. № CXXII.—Цѣна *15 рублей.—Выпускъ I-ый: Текстъ—печатается.*

4. Къ исторіи обихода Книгописца, Переплетчика и Иконнаго Писца при книжномъ и иконномъ строеніи.— Матеріалы для исторіи техники книжнаго дѣла и иконописи, извлеченные изъ русскихъ и сербскихъ рукописей и другихъ источниковъ XV—XVIII столѣтій. Собралъ и снабдилъ вводною *статьею* и объяснительными *примѣчаніями* Павелъ *Симони. Выпускъ I-ый.* Тексты и примѣчанія I—XXI и 14 таблицъ снимковъ съ рукописей, св. иконъ, старинныхъ гравюръ и т. д. Спб. 1906 г. 8°. Стран. XI + 237 + 16. (Памятники древней письменности и Искусства 1906 г. № CXXVIII). Цѣна 3 *рубля.*—Выпускъ II (съ историческою статьею и продолженіемъ)—*печатается.*

Готовятся къ печати и частью уже печатаются нѣкоторыя главы въ видѣ образца изъ труда.

5) Книга, Книжное дѣло и просвѣщеніе на Руси съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ. *Книжные производители* (писцы—каллиграфы и типографщики), *обрядчики* (знамёнщики и переплетчики), *распространители* (книготорговцы), *хранители и почитатели* (библіофилы и библіоманы) и *описатели книгъ* (библіографы). *Томъ I:* XI—XVII стол. (до. 30—35 листовъ), *Т. II:* XVIII стол. (до 45—50 л.) и *Т. III:* XIX стол. (до 50—60 л.).— Усиленно обрабатывается пока послѣдній томъ за все XIX столѣтіе. Изданіе будетъ носить характеръ *историческаго, по первоисточникамъ*, архивнымъ документамъ и разнымъ пособіямъ, газетамъ и проч., а также *справочнаго* и *библіографическаго* труда со снимками портретовъ дѣятелей, заглавныхъ листовъ, обложекъ, фронтисписовъ, разныхъ родовъ шрифта и набора, типографскихъ и издательскихъ марокъ, экслибрисовъ и т. п. Приводятся біографическія свѣдѣнія и перечни трудовъ и изданій, печатаются автобіографіи и небольшого объема литературные труды, имѣющіе отношеніе особенно къ прошлой жизни дѣятелей книжнаго міра, стихи, шутки, эпиграммы и т. п.

— Желательно найти любителя—издателя для упомянутаго труда (во всемъ его объемѣ). *Адресъ составителя* Павла Константин. *Симони:* Санктпетербургъ, В. О. 7 линія д. Академіи Наукъ 2—1, кв. 16.

Оглавленіе.

10 р.

МАТЕРІАЛЫ
КЪ ИСТОРІИ
РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

Съ портретами и снимками

Составилъ П. К. Симони.

Выпускъ первый.

Николай Ивановичъ Новиковъ
и
книгопродавцы Кольчугины.

Выпускъ второй.

Книжная торговля на Апраксиномъ дворѣ въ С.-Петербургѣ до пожара 1862 г.

Выпускъ третій.

Библіографическія свѣдѣнія о сочиненіяхъ и изданіяхъ
Николая Ивановича Новикова.

Выпускъ четвертый

Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ и его ученики
съ 8 портретами
(М. О. Вольфъ, Г. В. Беренштамъ, Ѳ. И. Колесовъ, Ф. Г. Михинъ, Ф. А. Битепажъ, братья И. Г. и Н. Г. Мартыновы и др.

Изданіе редакціи журнала
„Книжная Биржа"

Тип. В. Безобразова и Ко., Спб. В. О.